

© 2006 г. В. А. ДЫБО

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ, НОВЫЙ ВЗГЛЯД: ПО ПОВОДУ КНИГИ В. ЛЕФЕЛЬДТА “ВВЕДЕНИЕ В МОРФОЛОГИЧЕСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ СЛАВЯНСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ”

Статья является откликом на книгу: *Werner Lehfeldt, Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie*. 2., verbesserte Auflage mit einem Appendix von Willem Vermeer. München, 2001. В статье показано, что основной заслугой работы Хр. Станга (*Chr. Stang. Slavonic accentuation*. Oslo, 1957) был не отказ от закона Ф. Ф. Фортунатова — Ф. де Соссюра, а то, что Хр. Станг, изучая организацию славянской акцентуации, вплотную приблизился к пониманию её как *системы акцентных парадигм*. Анализируя ряд работ предшественников Хр. Станга и основные этапы исследований представителей московской акцентологической школы (“MAS”), автор показывает, как осознание характера этой системности и установление её деталей позволило исследователям “MAS” прийти к реконструкции праславянской и балто-славянской акцентной системы и предложить свои выводы о характере её отношения к индоевропейской.

1. О КНИГЕ ВЕРНЕРА ЛЕФЕЛЬДТА

Выход в свет второго издания книги В. Лефельдта [Lehfeldt 2001] не может не радовать. Прежде всего потому, что для нас это означает фактическое признание в стране сравнительно-исторического языкознания (а создателями этой научной отрасли были, как известно, в основном ученые Германии) результатов работы небольшой, но интенсивно работающей группы московских исследователей, или, во всяком случае, признание значимости этих результатов для дальнейшего развития славянской и индоевропейской компаративистики. С другой стороны, это означает, что мы можем надеяться в скором времени получить ряд последователей, ученых, работающих в том же направлении, или конструктивных критиков нашего направления. Уже до появления данной книги В. Лефельдта работы исследователей московской акцентологической школы явились, по-видимому, стимулом, вызвавшим появление на Западе целой серии прекрасных работ (более десяти), посвященных описанию акцентных систем ряда средневековых памятников, среди которых нельзя не упомянуть идеально, с моей точки зрения, сделанное исследование В. Хока [Hock 1992]. Надо сказать, что в подготовке большинства из исследователей, авторов этих работ, В. Лефельдт принимал самое непосредственное участие.

Следует отметить ещё один положительный момент этого второго издания работы В. Лефельдта. В нем помещен обширный критический “Appendix” (с. 131–161), подготовленный проф. В. Вермеером. Хотя критику, представленную в нем, с моей точки зрения, в целом нельзя назвать вполне удачной, однако она заставляет задуматься, какой должна быть удачная критика, что тоже полезно, а главное, она помогает понять, что непонятно и что с большим трудом доходит до сознания некоторых западных читателей-специалистов. Кроме того, В. Вермеер в своей работе поставил некоторые общие проблемы, обсудить которые будет тоже полезно. Особенно важной я считаю постановку В. Вермеером проблемы научного изоляционизма. В ходе и после ответов на замечания В. Вермеера я коснусь этой проблемы.

Эту мою статью, конечно, нельзя назвать рецензией. Выход в свет первой работы, которую в полной мере можно назвать учебником по одной из самых сложных и самых спорных отраслей сравнительно-исторического языкознания (по сравнительно-исторической акцентологии), не может не вызвать массу мыслей, как непосредственно относящихся к содержанию книги, так и по проблемам, лишь отдаленно к нему примыкающим. В ряде случаев это вынудило меня провести ряд дополнительных научных исследований, чем в значительной мере объясняется задержка с этим откликом¹. Естественно, объем этой статьи превысил размер, принятый в “Вопросах языкознания”, поэтому я публикую её в двух частях: в первой я обсуждаю основной текст книги и делюсь мыслями, им вызванными, во второй рассмотрен Appendix B. Вермеера и те проблемы, которые в нем всплыли.

Первый раздел работы озаглавлен “Zur Entwicklung der morphologischen Akzentologiekonzeption”. Такой метод изложения материала не вызывает возражений. История наших исследований изложена в основном правильно. Есть лишь один момент, заставляющий дать ряд пояснений, и даже довольно обширных. Из этого изложения (точнее, даже из определенной акцентовки изложения²) успехи московской акцентологической школы вырисовываются как некий во многом случайный результат борьбы мнений. Хр. Станг согласился с Е. Куриловичем и отменил закон Фортунатова — де Соссюра. В. А. Дыбо не хотел с ним согласиться и пытался защитить закон Фортунатова — де Соссюра, но у него это не получалось. Тут В. М. Иллич-Свитыч вдруг открыл закон Иллич-Свитыча, Дыбо обрадовался, принял закон Иллич-Свитыча, и тут всё началось. (Я немножко утрирую, но в целом это воспринимается так, и это в определенной степени подготавливает соответствующее восприятие второй части книги — критической).

Всё было не так или не совсем так!³

Но сначала немного теории. К сожалению, автор акцентологическую концепцию московской школы компаративистики характеризует не вполне удачным названием, почерпнутым им из статьи В. М. Иллич-Свитыча [Иллич-Свитыч 1967], а именно “морфологическая концепция славянской акцентологии”. Как мы увидим ниже, это название, не точное само по себе, может приводить к неверным представлениям о теоретических позициях исследователей и рабочих гипотезах, которыми они руководствуются, и к тому же оно затушёвывает, маскирует ряд важнейших моментов в их научной позиции. Это название возникло, по-видимому, следующим образом: ещё студентом, в 1953 году, занимаясь славянской акцентологией, я понял, что акцентная характеристика слова (акцентный тип, акцентная парадигма) — это такое же явление, как, например, мягкий или твердый вариант склонения, и она должна 1) входить в грамматическое описание языка и 2) исторически объясняться подобным же образом. В первом положении не было ничего нового. Возьмите хотя бы “Граматику сербохорватского языка” А. Лескина [Leskien 1914] или “Граматику литовского языка” Яна Отрембского [Otrębski 1956]. В них все типы основ разделены по акцентуационным группам, достаточно мощным, если не исчерпывающим, и это изложено там же, где даётся схема склонения или спряжения. Со вторым положением славянская сравнительно-историческая акцентология обращалась по-разному. В 1957 году (будучи в аспирантуре) я установил, что акцентные парадигмы образуют позиции, по которым распределяются варианты окончаний, т. е. ведут себя так же, как мягкий или твердый вариант склонения (см. [Дыбо 1961a]; как я объясняю это явление, я достаточно четко изложил на с. 225–226 в книге [Дыбо 2000a]). Все эти особенности акцентных типов мы интенсивно обсуждали с В. М. Иллич-Свитычем, при этом использовались характери-

¹ К сожалению, по личным обстоятельствам я не смог откликнуться на первое издание этой книги [Lehfeldt 1993].

² Я допускаю даже, что такая акцентовка во многом придает повествованию определенную увлекательность.

³ Тем, кто может усомниться во всём изложенном ниже, предполагая, что в этом изложении отразились дальнейшие размышления над ходом исследовательского процесса, я могу указать на мой ответ на вопрос “Какви са резултатите от сравнителното изследване на славянската акцентология?” к V съезду славистов ([Дыбо 1963b], ответ послан в 1961 г.), из которого видно, что всё дальнейшее делалось с четким осознанием того, что должно получиться и какие открытия могут быть сделаны.

стики: “морфологические особенности”, “морфологические позиции”, “морфологические явления”, хотя никто из нас, конечно, не предполагал, что акцентный тип связан с каким-то грамматическим значением, грамматической категорией, т. е. мы обсуждали акцентуационные явления как явления морфонологические, а не морфологические, пользуясь при этом определением “морфологический”. По-видимому, этот момент и отразился в определении В. М. Иллич-Свитыча. Понимая необходимость прояснения этой терминологической ситуации, я попросил В. Г. Чурганову заняться русской морфонологией⁴. Дело в том, что разработка этой проблематики Н. С. Трубецким меня абсолютно не удовлетворяла. В своей статье “Мысли о морфонологии” [Trubetzkoy 1931] он, опираясь на результаты сравнительно-исторического языкознания и, конечно, описательных грамматик индоевропейских языков, вполне удовлетворительно изложил круг и объём проблем, которыми должна заниматься морфонология, но в своей работе “Морфонологическая система русского языка” [Trubetzkoy 1934] он фактически ограничился рассмотрением чередований, создав тем самым представление о морфонологии как о науке о чередованиях. В ходе своего развития сравнительно-историческая и историческая акцентология столкнулась с необходимостью прояснить характер ряда таких исторических процессов и правил, в которых означаемое имеет минимальное значение, или не имеет никакого значения; но при этом данные процессы не являются фонетическими. Вероятно, с тем же сталкивается любая сравнительно-историческая и историческая грамматика, но в акцентологии положение было сложнее, ведь даже те фигуры, которыми она занималась (акцентный контур, акцентная кривая, акцентная парадигма, акцентный тип и под.) не были определены, а зачастую не были и признаваемы как языковые единицы, а она постоянно сталкивалась с процессами, происходившими с этими фигурами: распространение их на какую-то часть языковой системы, генерализация в каком-то словообразовательном типе или в каком-то типе основ и т. п. (явлений, которые даже не признавались существующими!). Поэтому именно для сравнительно-исторической и исторической акцентологии рассмотрение уровня материальных фигур языка и организации этого уровня, а равно и исторических процессов, происходивших с этими фигурами и их организацией, было совершенно необходимо. Этими проблемами должна была, по моему мнению, заниматься морфонология, которую предстояло построить, сначала хотя бы для одного языка. Плодом этого нашего научного сотрудничества с В. Г. Чургановой явилась её книга [Чурганова 1973]⁵. Я и в настоящее время остаюсь носителем тех же взглядов, которые высказаны в этой книге, и думаю, что и другие представители московской школы компаративистики придерживаются в основном тех же или сходных взглядов. Поэтому акцентологическую концепцию московской школы компаративистики лучше характеризовать как “морфонологическая концепция славянской акцентологии”. В ряде своих публикаций я специально подчеркивал морфонологический характер ударения в славянских языках и морфонологический характер систем, им образуемых, последняя такая публикация даже озаглавлена “Морфонологизованные парадигматические акцентные системы” [Дыбо 2000a]⁶.

Если же обратиться к взглядам исследователей относительно происхождения систем разноместного акцента в индоевропейских языках, то именно представителей “классической акцентологии” (в том числе и Е. Куриловича) следовало бы назвать сторонниками “морфологической концепции акцентологии”, так как большинство из них считало и считает, что возникновение разноместности акцента в индоевропейских языках связано с

⁴ Предполагалось, что В. Г. Чурганова займется славянской сравнительно-исторической и исторической морфонологией, особенно в области словообразования, поскольку многие преобразования в этой области выглядели как морфонологические. Однако здоровье и жизненные обстоятельства не позволили ей завершить эту работу.

⁵ О моем участии в написании этой книги В. Г. Чургановой не удалось сообщить из-за проходившей в тот момент по издательствам кампании запретов на подобные сообщения, связанной с известным анекдотическим случаем с благодарностью в адрес Дж. Чейна и У. Стокса в книге Ю. А. Гастева “Гомоморфизмы и модели”.

⁶ Одно из ранних сообщений об этом уточнении названия концепции см. в книге [Булатова 1975: 10].

индоевропейской морфологией. С другой стороны, представители московской школы компаративистики, по-видимому, принимают выдвинутую мной тоновую гипотезу происхождения индоевропейского разноместного акцента, т. е. связывают разноместность и. -е. акцента с системой лексического, а не грамматического тона⁷.

Теперь относительно того, в какой степени морфонологическая концепция славянской акцентологии связана с отклонением Хр. Стангом закона Фортунатова — де Соссюра.

Во-первых, не вполне точна формулировка В. Лефельдта, что в согласии с Е. Куриловичем (in Übereinstimmung mit J. Kuryłowicz) Хр. Станг отклонил действие закона де Соссюра в славянском. Строго говоря, согласия здесь не было. Е. Курилович не отклонял действия закона де Соссюра в балтийском, но он отверг тонологическую интерпретацию передвижения ударения на окончания по закону де Соссюра: он считал, что передвижение ударения с кратких и циркумфлексированных слогов на конец слова вызвано не акутированным характером окончаний, а их сокращением⁸. Это фактически означает, что он не понял закон де Соссюра или забыл о важнейшем его предупреждении. Ф. де Соссюр в полемике с Г. Хиртом специально предупреждает о разнице его и Хирта точек зрения: «Хирт не имеет никакого представления об общем смещении ударения в группе “циркумфлексированный ударный слог + акутированный слог” — первоисточники нынешнего состояния литовского ударения. Однако, анализируя словоизменение, он всё же заметил, что “акутированные окончания перетянули на себя ударения циркумфлексированных корней”» [Соссюр: 632]. Вот с этим-то положением Г. Хирта и борется Е. Курилович, причем не с фактом перетяжки, а с её тоновым объяснением. Фактически эту же позицию он переносит на славянский, где его “отрицание” касается исключительно переноса ударения на окончания (т. е. положения, выдвинутого Г. Хиртом), проблемы передвижения акцента внутри слова он просто не замечает.

Хр. Станг же отрицает в славянском факт перетяжки ударения на следующий акутированный слог (не только на окончания) по закону де Соссюра. Как же он это делает? Он берет имена славянской подвижной акцентной парадигмы (а. п.) и показывает, что их акцентная кривая тождественна акцентной кривой литовской 3-й а. п., а не 4-й а. п., т. е. акутированной подвижной а. п., в которой переноса ударения по закону де Соссюра не было. Но ведь в славянском была масса слов с колонным конечным ударением (окситонированных). Эти слова Хр. Станг считает прямыми наследниками индоевропейских окситон (слов с колонным конечным ударением). Соответственно, многосложные производные слова с ударением, стоящим после корня, он рассматривает как несущие ударение окситонированных производящих.

Именно доказательство того, что славянская подвижная а. п. тождественна балтийской подвижной а. п. и, следовательно, продолжает балто-славянский подвижный акцентный тип, (а не устранение закона де Соссюра из славянского) могло бы считаться важнейшим достижением Хр. Станга. Устранение закона де Соссюра было бы при этом лишь (так сказать) побочным результатом двух описанных выше операций. Но дело в том, что тождественность славянской подвижной а. п. литовской 3-й а. п. была показана ещё Ф. Седлачком [Sedláček 1910; 1914] и А. Мейе [Meillet 1914], и формы, показывающие, что передвижения по закону де Соссюра в именной подвижной а. п. не было, обсуждались задолго до работы Хр. Станга и даже до статьи Е. Куриловича (см. обзор предложений в [Булаховский 1946]). Их, правда, всегда пытались объяснить как вторичные, спецификой конечного слога или результатом аналогии. В качестве примеров на дейст-

⁷ Правильнее было бы говорить о системе морфемного тона, но обычно при описании языков подобной тоновой системы (т. е. при наличии разных тоновых классов корневых морфем) говорят о лексическом тоне, с добавлением указания на наличие также грамматического тона, если наблюдается также различие в тонировании аффиксальных морфем; см. например, [Tucker and Bryan 1966: 30–31, 63–64, 86, 143, 170, 207, 263, 337, 408, 449].

⁸ “L’unique formule correcte au point de vue phonologique c’est $A \rightarrow B$, c.-à-d.: l’accent passe d’une pénultième douce ou brève sur une finale qui s’abrège (...) remarquons une fois pour toutes que nous continuerons à nous servir de l’expression *loi de Saussure*, mais en entendant par là $A \rightarrow B$ et non pas $X \rightarrow B$ ” [Kuryłowicz 1958: 205].

вие закона де Соссюра приводились формы именительного падежа $\bar{a}$ -основ и 1. sg. презенса таких глаголов, как *пишѹ ~ пишешь*. Nom. sg. $\bar{a}$ -основ, конечно, не был доказательством, но акцентовка форм презенса как доказательство выглядела вполне убедительно. Но отношение к закону де Соссюра как к системообразующему (как к создавшему славянскую разноместность ударения) благодаря работам Л. А. Булаховского уже было преодолено. Однако представление об акцентной системе как системе акцентных парадигм отсутствовало. Хр. Станг [Stang 1957], опираясь на материалы Васильева по акцентовке презенса с конечным ударением в древнерусском языке и акцентовку 1. sg. praes. в юго-восточных болгарских диалектах⁹, доказал, что “окситонированная” парадигма презенса является в действительности подвижной акцентной парадигмой. Это естественно связывало презенс с другими категориями глагола, в которых тоже была подвижная парадигма, и с подвижной парадигмой имени. Опираясь на ретракционную теорию происхождения “нового акута” Ст. Ившича, Хр. Станг объединил акцентный тип *стол*, *столá* с акцентным типом *пишѹ*, *пишешь*. До Хр. Станга понимание общности этой акцентовки существовало исключительно для деноминативных глаголов на *-i-*. Таким образом, основным достижением Хр. Станга следует считать то, что он показал единство организации акцентной системы праславянского в имени и глаголе. Проблематика закона де Соссюра была в значительной степени вторичной и побочной.

В каком же состоянии находилась балтийская и славянская акцентология до работы Хр. Станга? В балтийском (точнее, в пралитовском) после известных статей де Соссюра принималось наличие в именах двух акцентных типов (парадигм): неподвижная а. п. (с ударением на корне) и подвижная а. п. (в этих словах в одних формах ударение стояло на начале слова, в других — перемещалось на окончание, в большинстве случаев на конечный слог окончаний, т. е. было маргинально-подвижным). В результате работ Я. Эндзелина, К. Буги и Пр. Скарджюса было показано, что в древности (возможно, и в прабалтийской) распределение этих акцентных типов не зависело от характера основ и было относительно равномерным. Так как эти два типа согласовались с двумя типами, восстанавливаемыми для индоевропейского: баритонированным (с накоренным ударением) и окситонированным (с конечным ударением), — принималось, что они восходят к этим индоевропейским типам. Вслед за Ф. де Соссюром этот балтийский подвижный акцентный тип считался произошедшим из индоевропейского окситонированного. Ф. де Соссюр обнаружил близость кривой литовской подвижной а. п. “подвижности” акцента в греко-арийских атематических именах и предложил следующую схему возникновения маргинальной подвижности для многосложных основ:

	греч.	пралит.	лит.
nom. sg.	<i>πατήρ</i>	* <i>duktě</i> >	<i>duktě</i>
acc. sg.	<i>πατέρα</i>	* <i>duktě rin</i> >	<i>dùkteri</i>
dat. sg.	<i>πατέρι</i> (Гом. вар.)	* <i>duktě ri</i> >	<i>dùkteri</i>
gen. sg.	<i>πατρός</i>	* <i>dukte rès</i> >	<i>dukterès</i>

То есть, по мнению Ф. де Соссюра, маргинальная подвижность литовских атематических имен могла возникнуть из индоевропейской “подвижности” в результате переброса ударения со слога элемента, предшествующего окончанию, на начало словоформы. В дальнейшем эта подвижность была перенесена на все окситонированные имена. Это или подобное объяснение, по-видимому, принималось большинством балтистов, занимавшихся сравнительно-исторической акцентологией, при этом они считали, что сам процесс перестройки окситонезы в подвижность происходил довольно поздно, ссылаясь на

⁹ У Васильева [Васильев 1929: 48] было также указание на среднеболгарский памятник, в котором форма-энклиномен 1. sg. praes. связывалась исключительно с конечноударным типом презенса, и эти материалы были куда более важными, чем материалы юго-восточных болгарских диалектов, в которых отнесенность форм-энклиноменов к конечноударному презенсу потеряна, но почему-то Хр. Станг этими материалами не воспользовался (хотя памятник был очень тщательно издан И. В. Ягичем, см. [Ягич 1895]).

якобы сохранившиеся следы старой окситонезы в современном литовском (обычно этими “следами” объявлялись производные с доминантными суффиксами и вторичные локативные падежи). Таким образом, для прабалтийского постулировалось в имени два колонных акцентных типа: баритонированный и окситонированный.

Та же система взглядов господствовала и по отношению к акцентовке глагола. Ф. де Соссюр, установив связь подвижного акцентного типа действительных причастий настоящего времени с переносом ударения на приставки и отрицание в презенсе, открыл подвижный акцентный тип глагольных категорий, построенных на презентной основе. Таким образом была установлена акцентуационная дихотомия пралитовского глагола, по крайней мере в категориях с презентной основой (баритонированный неподвижный и подвижный акцентные типы). Я. Эндзелин подтвердил прабалтийский характер этой дихотомии, связав её с двумя рефlekсами акутовой интонации в латышском. Работы Я. Эндзелина и К. Буги существенно расширили область парадигматического выбора. Была установлена связь акцентной парадигмы отглагольного имени с акцентным типом производящего глагола. Но при этом предполагалось, что в балтийском глаголе существовали два колонных акцентных типа: окситонированный и баритонированный, — а подвижная акцентная парадигма возникла уже в литовском. Кроме того, не было установлено генетическое тождество соответствующих индоевропейских окситонированных и баритонированных лексем с балтийскими подвижными и баритонированными. Последнее объективно объясняется массовым переходом краткостных имен 2-й литовской а. п. в подвижный акцентный тип, т. е. в 4-ю а. п., в ряде литовских диалектов, в том числе и в тех, которые легли в основу литовского нормативного языка.

В славянской сравнительно-исторической акцентологии положение с отнесением славянских акцентных типов имен к индоевропейским акцентным типам обстояло значительно хуже. Вслед за А. Мейе слависты, занимавшиеся сравнительно-исторической акцентологией, считали подвижный акцентный тип продолжением индоевропейских *баритонированных* имен с краткостным или циркумфлектированным корнем, изменивших свою акцентовку под действием закона Ф. де Соссюра. Те из них, которые допускали наличие в этом корпусе также имен, восходящих к и.-е. окситонам, вслед за А. Мейе считали их результатом такой перестройки, что отделить их от старых баритон件 невозможно. Окситонированный тип (а. п. *b*) считался восходящим к и.-е. окситонам, хотя и отмечалось, что непосредственных соответствий крайне мало¹⁰. Естественно, что славянские имена подвижного акцентного типа объединялись с акутированными именами с накоренным неподвижным ударением. Все они считались *barytōna*. А многочисленные факты передвижения ударения в словоизменении и в словообразовании от этих имен (подвижного акцентного типа) объяснялись фонетическими законами, действовавшими в условиях циркумфлексовой интонации корня (закон Хартмана, закон Шахматова, расширенный и фактически потерявший свою позиционную обусловленность закон Фортунатова — де Соссюра, вырванный из последнего закон Лера-Сплавинского и под.). Даже в том случае, когда исследователям удавалось установить акцентологические морфонологические позиции распределения определенных морфов, они связывали их не с акцентными типами (акцентными парадигмами), а со слоговой интонацией. Так было с правилом Селищева — Вайана (распределение формантов сравнительной степени), так было с позицией форманта -тть во 2–3 лице ед. ч. аориста в старославянском, установленной Н. Ван-Вейком, хотя в последнем случае следовало бы сначала объяснить, почему во 2–3 лице ед. ч. аориста у таких глаголов, как **pīti*, **līti*, **vīti*, **zīti* и под., появляется циркумфлекс. Эта переполненность акцентологических работ фонетическими объяснениями, опирающимися на слоговые интонации, и побудила В. М. Иллич-Свитыча назвать акцентологическую концепцию, предшествующую нам, “фонетической по преимуществу” [Иллич-Свитыч 1967: 79]. Но это название условное, основное же, что характеризовало эту концепцию или концепции, это отсутствие представления о том, что такие фигуры, как акцентный тип (акцентная парадигма), могут образовывать в языке довольно сложные, разветвлен-

¹⁰ См. примечание 14.

ные и достаточно устойчивые системы¹¹. Даже когда Пр. Скарджюс [SkDA], исследуя акцентовку текстов, написанных Н. Даукшей (XVI в.), натолкнулся на производные с рецессивным суффиксом, он не постеснялся назвать акцентовку этих форм отражением окситонированного ударения производящих, хотя ни одно из ударений производных не соответствовало по месту окситонному ударению производящего, ср.: формы с ударением на окончании типа gen. sg. f. *Diewiŝkós, mergiŝkós, ŗuniŝkós, weliniŝkós, ŗmogiŝkós* и под.; gen. pl. *Diewiŝkŭ, kriŭŝczioniŝkŭ, waikiŝkŭ, weliniŝkŭ, ŗmogiŝkŭ* и под.; dat. sg. m. *kunigiŝkám*, dat. pl. f. *kriŭŝczioniŝkómuŝ*, instr. pl. m. *welniŝkáis*; loc. pl. f. *kunigiŝkollĕ* — во всех этих формах по соответствию с окситонезой производящего ударение должно было стоять на суффиксе.

Тут всё очень просто: окситонное и баритонное ударение характеризуют словоформу; на то же, что акцентный тип каждого слова представляет собой кортеж акцентовок словоформ, не обращают внимания — эти акцентовки не меняются¹². При словообразовании производному просто передается ударение словоформы производящего. Но когда ударение в слове меняется, возникает вопрос, ударение какой словоформы передается производному и вообще зависит ли ударение производного от ударения производящего, по какому принципу распределено ударение в производном, если оно подвижное, а если оно неподвижное, то почему. Решать подобные вопросы невозможно без введения системы соответствующих понятий: акцентная кривая, акцентная парадигма, парадигматический выбор, категориальный выбор, парадигматический акцент, категориальный акцент и под. Родоначальником морфонологической концепции акцентологии в сущности был Ф. де Соссюр, он открыл три категории суффиксов [Соссюр: 625]: первая категория — это суффиксы с категориальным выбором акцентного типа, вторая категория — это рецессивные суффиксы, третья категории — это доминантные суффиксы. Он же разделил две подвижности акцента в литовском и установил значение той подвижности, которую он называет “грамматической”, для акцентовки производных: “Следовательно, в настоящее время в литовском смешаны две подвижности акцента: одна — новая, другая — старая, одна — зависящая, другая — не зависящая от интонации; и в настоящем состоянии литовского языка было бы несбыточным пытаться совершенно отвлечься от одной из них для того, чтобы рассматривать только ту, которая является “грамматической”, то есть более старой, чем другая. Можно лишь попытаться найти соответствующие обозначения, которые, указывая точно на место современного ударения, в то же время напоминали бы о том, что представляло собой это ударение в первой системе.” [Соссюр: 621]. Вот у него демонстрация этих двух типов подвижности в словообразовании: “Имеется в виду следующее: мы получаем производное *krūmūtas* из *krūmas* (Н), *kalnūtas* из *kálnas* (П), производное *kampūtas* из *kaŭpas* (П/а) вследствие грамматических причин, но *lapūtas* из *lāpas* (Н/а) — вследствие причин чисто фонетических (*lapūtas* = **lāpūtas* в силу *ā + ū*).” [Соссюр: 625].

И в то же время мы по работе Ф. де Соссюра видим, какие трудности испытывал он, встретившись с этой непривычной для индоевропеиста системой ударения. Он отождествляет по акцентуационному поведению доминантные и рецессивные суффиксы с доминантными и рецессивными окончаниями [Соссюр: 625, сн. 1], но не решается отождествить с ними основы “баритонированные” и “подвижные”, хотя и отмечает, что “только слово с наосновным ударением на первом слоге может иметь

¹¹ Ниже (во второй части статьи) читатель увидит, что эта черта в значительной степени характеризует и позицию критика московской акцентологической школы (“MAS”) профессора В. Вермеера.

¹² Ср. трудности Ф. де Соссюра, когда он, введя понятие акцентной парадигмы, столкнулся с проблемой, сколько же акцентных парадигм было в балтийском. Он полагает, что этим словом следует называть лишь одну подвижную, — как он пишет, включающую лишь перечень форм с наосновным ударением, что необходимо лишь для подвижной парадигмы. Баритонированные основы как бы акцентной парадигмы не образуют: “баритонеза есть нормальное ударение любого литовского слова и любой формы” [Соссюр: 622, сн. 1]. Решение неверное: ведь обнаружив, например, в тексте форму вин. пад., мы не сможем определить ударение остальных словоформ, если мы не знаем, относится ли она к подвижной или неподвижной акцентной парадигме.

подвижную парадигму” [Соссюр: 623]¹³. Он видит, что наибольшую близость к балтийской подвижной парадигме показывают “индоевропейские” *корневые* атематические имена подвижного акцентного типа, но пытается вывести балтийскую подвижную а. п. из акцентровки имен типа *патъгъ*. Весьма характерно следующее заключение Ф. де Соссюра: “Легкость, с которой G (литовская колонка баритонированных форм подвижной акцентной парадигмы — *В. Д.*) дает индоевропейские парадигмы, когда мы налагаем её на предполагаемые окситонированные основы, наводит на мысль о том, что именно здесь надо искать её происхождение” [Соссюр: 627]. Не наоборот ли: *их* происхождение?

Эта заворожённость колонными акцентными типами крайне редуцированных греко-арийских акцентных систем характеризует всю историю балто-славянской сравнительно-исторической акцентологии. Поэтому там, где контраст между славянской подвижностью ударения и колонным характером акцента “индоевропейской” системы выступал наиболее рельефно (в системе имени), успехи сравнительно-исторического исследования были минимальны, там, где этот контраст был затушён (в системе глагола), группе исследователей, которых я называю “восточно-европейской акцентологической школой” — Я. Эндзелин, К. Буга, Л. А. Булаховский, — удалось получить довольно значительные результаты: были установлены две акцентные парадигмы славянского глагола, которые по своему составу довольно хорошо соответствовали балтийским. В 1927–1930 годах появились работы Л. А. Булаховского по проблемам акцентровки славянских суффиксальных прилагательных, в которых, правда, при избыточной тонологической интерпретации, камуфлирующей морфонологические результаты компаративистской процедуры, достаточно ясно проглядывало наличие в праславянском двух акцентных типов у суффиксальных прилагательных, один из которых был п о д в и ж н ы й.

Таково в общих чертах было состояние балто-славянской сравнительно-исторической акцентологии, когда я начал ею заниматься. В 1956 г. я написал статью “О древнейшей метатонии в славянском глаголе” [Дыбо 1958], в которой перенес правило Мейе на глагол. В этой же статье был дан едва ли не исчерпывающий материал по славянским именным основам подвижного акцентного типа с циркумфлексом по правилу Мейе, которым соответствовали балтийские акутированные имена подвижного акцентного типа, в соответствие с ними был приведён достаточно полный материал по славянским акутированным основам неподвижного акцентного типа, которым соответствовали балтийские акутированные имена неподвижного акцентного типа. Этим доказывалось, что правило Мейе имеет фонетический характер, а славянские именные основы, получившие циркумфлекс по правилу Мейе, продолжают по своему составу балто-славянскую акутированную подвижную акцентную парадигму. Естественно, что работая над статьёй, я проработал большой корпус славянских и балтийских этимологий и убедился, что все славянские имена подвижной акцентной парадигмы, которые по правилам Соссюра и Беценбергера должны были иметь акут, имели славянский циркумфлекс. Именно это позволило мне уверенно рассматривать правило Мейе как фонетическое. Поэтому появление книги Хр. Станга я не мог воспринять иначе как крайне положительно. Я сразу же позитивно оценил принятие им исконной тождественности акцентных кривых славянской а. п. с и литовской 3-й а. п. Это был тот поворот в традиционных взглядах на славянскую акцентную систему имени, к которому я подходил в своей работе над балто-славянскими акутированными основами. Я сразу же высоко оценил и главное достижение Хр. Станга, может быть, даже выше, чем оценивал его сам автор. Это достижение состояло в том, что Хр. Станг открыл славянскую акцентную систему как *систему* акцентных парадигм. Я довольно подробно характеризую этот результат Хр. Станга на с. 74–77 в [Дыбо 2000а], но и в то время вся моя часть нашего совместного с В. М. Иллич-Свитычем доклада на V Международном съезде славистов была посвящена именно *системе* ак-

¹³ Это означает, что он заметил, что “наосновное” ударение в подвижной акцентной парадигме в литовском в сущности не “наосновное”, а “начальное”. И в то же время сделал это утверждение: “баритонеза есть нормальное ударение любого литовского слова и любой формы”, — уравнивающее все словоформы с “наосновным” ударением, то есть стирающее то различие их в системе, которое он только что установил.

центных парадигм [Дыбо, Иллич-Свитыч 1963: 70–77]. Уже первичное рассмотрение концепции Хр. Станга показывало её “недоработанность”. В славянской акцентологии ко времени появления работы Хр. Станга была установлена масса фактов, свидетельствующих о наличии системы выбора акцентных типов производных в зависимости от акцентной парадигмы производящего, я назвал это явление “парадигматический выбор” (“система парадигматического выбора”). Да и акцентовка “производных” категорий глагола явно связывалась с акцентными парадигмами презенса. Эта сторона акцентной системы праславянского Хр. Стангом не была освещена. Конечно, нельзя упрекать исследователя за то, что он не проделал работу, на которую потребовались годы труда нескольких человек и которую и сейчас нельзя считать завершённой. Но одна черта его концепции бросалась в глаза своей незавершённостью уже тогда и явно требовала хотя бы предварительного ответа. Это проблема акцентной парадигмы *b*. В определении характера и и.-е. истоков а. п. *b* Хр. Станг остался верен традиционной точке зрения, хотя ещё Ван-Вейк заметил почти полное отсутствие соответствий славянских имен а. п. *b* индоевропейским окситонам¹⁴. Как я уже отметил, Хр. Станг сделал в славянской акцентологии резкий поворот, показав, что славянская а. п. *c* имени соответствует балтийской подвижной акцентной парадигме. Обратившись к материалам Л. Л. Васильева, он показал также первоначально подвижный характер глагольного “окситонированного” типа в презенсе. О том, что мы имеем дело здесь в сущности с единым явлением — подвижной акцентной парадигмой имени и глагола, свидетельствовали хотя бы деноминативы (*i*-глаголы): то, что *i*-глаголы, образованные от имен а. п. *c*, выбирают подвижный (по старой нотации окситонированный) акцентный тип, было давно хорошо известно. О единстве а. п. *a* в имени и глаголе свидетельствовал тот же тест. Единство акцентных типов глагола и имени, которые Хр. Станг объединил в а. п. *b*, тоже можно было показать тем же тестом, хотя разные славянские диалекты вели себя в этом отношении по-разному.

Объединяя ряд довольно сильно различающихся акцентных типов глагола и имени в единую а. п. *b*, Хр. Станг воспользовался очень хорошо разработанной гипотезой происхождения “нового акута” Ст. Ившича [Ivšić 1911]. Это позволило ему довольно убедительно реконструировать а. п. *b* как неподвижный колонный акцентный тип с ударением на слоге, следующем непосредственно после корня (в производных после основы). Однако Хр. Станг упустил один очень важный момент. В а. п. *a* входили исключительно имена и глаголы с акутированной основой, в а. п. *b* — исключительно имена и глаголы с краткостной основой или основой, несущей балто-славянский циркумфлекс, тогда как а. п. *c* включала в себя как имена и глаголы с балто-славянским акутом, так и имена и глаголы с балто-славянским циркумфлексом. Таким образом два славянских колонных неподвижных акцентных типа показывали явное дополнительное распределение по просодическому характеру корневого слога. Даже если бы Хр. Стангу удалось доказать балто-славянский или индоевропейский характер а. п. *b*, проблема этого дополнительного распределения всё равно бы осталась. Так же бы осталась проблема отношения этого акцентного типа к литовской 2-й а. п., которая является циркумфлектированным и краткостным вариантом единого баритонированного неподвижного акцентного типа. Так что необходимость поисков этого объяснения вытекала из самой реконструкции Хр. Станга, а жёсткое разделение Хр. Стангом а. п. *a* и а. п. *b* выглядело просто как недоработка Хр. Станга. У меня кроме того были ещё основания считать эти а. п. единым праславянским акцентным типом: обе эти а. п. составляли единую морфонологическую позицию. В тематических глаголах, как я установил ко времени появления книги Хр. Станга, тематический аорист имели глаголы а. п. *a* и а. п. *b*, а сигматический аорист — глаголы а. п. *c*¹⁵. В имени суще-

¹⁴ См. [van Wijk 1958: 85]. Л. Садник, пытаясь заполнить эту лакуну, приводит в своей книге две *o*-основы: **kōtŭ* < **kotŭ* и **bōbŭ* < **bobŭ*, ссылаясь на греческие соответствия *καυτός* ‘угол глаза’ и *φακός* ‘чечевица’ [Sadnik 1959: 74]. Моя попытка найти что-либо более надежное не увенчалась успехом [Дыбо 1960: 114].

¹⁵ Об этом своем результате я и сообщил в примечании к статье “О древнейшей метатонии в славянском глаголе” [Дыбо 1958: 57, сн. 1], начиная обсуждение проблемы а. п. *b*. Статья была написана в 1956 г., тогда же была передана Вяч. Вс. Ивановым в редакцию журнала “Вопросы языко-

ствовало “правило Селищева — Вайана”, которое, будучи переинтерпретировано в терминах акцентных парадигм, также объединяло а. п. а и а. п. б в единую морфонологическую позицию¹⁶. Всё это свидетельствовало о том, что эти две парадигмы были единым акцентным типом в самом праславянском.

Почему же всё-таки я первоначально занял позицию защиты закона Фортунатова — де Соссюра, а не выдвинул сразу же закон Иллич-Свитыча? Тот факт, что закон Фортунатова — де Соссюра не действовал в а. п. с, меня не смущал: “циркумфлекс” в этой а. п. был результатом нейтрализации тональных оппозиций, см. [Дыбо 1962а: 222], и был фактически акцентом начала фонетического слова, см. [Дыбо 1962а: 225]. Это вытекало уже из результатов первой моей статьи, см. [Дыбо 1958]. В этих условиях достаточно было показать, что он действовал в основах неподвижного акцентного типа. Хр. Станг, опираясь на ретракционную гипотезу Ст. Ившича, всё же не смог объяснить все акцентные кривые а. п. б. Не объяснялись акцентные кривые а. п. б презенса тематических глаголов, *j-praesentia* и *ne*-глаголов, не объяснялись акцентные кривые а. п. б *ā*-основ женского рода — *sg. женá, осá; жены, осы; женé, осé; жену́, осу́...*; но *pl. жéны, осы; жéн, о́с; жéнам, о́сам; жéн, о́с; жéнами, о́сами; о жéнах, об о́сах*, — очень близкие к кривым литовской 2-й а. п. Правда, традиционно эти кривые считались поздними. Но это значит лишь, что в великорусских текстах они появляются как будто довольно поздно. Но происхождение их из окситонной кривой не объясняется¹⁷. Дальнейшие исследования увеличили количество акцентных кривых этого типа: начатые мною тогда же исследования средне-болгарских акцентуированных текстов показали наличие в них подобной же кривой а. п. б, правда, уже смешивающейся с акцентной кривой а. п. с, см. [Дыбо 1973b]; В. Г. Скляренко показал наличие вариантов этой же акцентной кривой в украинских текстах XVI–XVII вв., при том, что по его материалам подавляющее большинство таких случаев относится к а. п. б, при исключительно флексийном удареии косвенных падежей *pl. ā*-основ а. п. с, см. [Скляренко 1969: 77–79]. Так что для сомнения в “колонном” передвижении акцента в неподвижном акцентном типе с краткостных и циркумфлектированных слогов на следующий слог были достаточные основания. Добавлю, что эти основания остаются и сейчас.

Первым показателем необходимости изменения реконструкции процесса, приведшего к возникновению колонных кривых а. п. б, было, действительно, ударение 2–3 л. ед. ч. тематического аориста от глаголов неподвижного акцентного типа: при акутированных корнях они и в среднеболгарском, и в сербохорватском показывали накоренное (по сербохорватским рефлексам акутовое) ударение, при краткостном и циркумфлектированном слоге корня ударение было и в среднеболгарском, и в сербохорватском на слоге, следующим за корнем, см. [Дыбо 1960: 115–119]. Объяснить это при помощи аналогии было невозможно. Изучая этот тип акцентного распределения, я обнаружил подобное явление в производных именах среднего рода с первичными суффиксами, типа **máz-slo ~ *vez-slò, *čejt-slò; *mý-dlo ~ *sej-dlò* ‘силó (силок)’. В. М. Иллич-Свитыч, естественно, также был заинтересован проблемой происхождения а. п. б. Его попытка найти внутриславянские основания происхождения а. п. б *ā*-основ была неудачной¹⁸, в процессе поисков он вернулся к фактам, замеченным ещё Г. Хиртом, отражения в славянском и.-е. имен *neutra* в

знания”. В редколлегии были возражения против публикации аспирантской работы; чтобы разрешить эту проблему, Н. И. Толстой отвез её в Киев на рецензию Л. А. Булаховскому. Л. А. Булаховский дал очень положительный отзыв, после чего проблема с публикацией во “взрослом” журнале была решена. В связи с выходом к тому времени книги Хр. Станга возникла необходимость отозваться на нее в статье, в результате чего и возникло это примечание, в котором я крайне сжато изложил свое выступление на IV съезде славистов.

¹⁶ Наиболее подробный анализ в [Дыбо 2000а: 209–226]; самое раннее сообщение о моей переинтерпретации в терминах акцентных парадигм в [Чурганова 1973: 234].

¹⁷ Объяснение их, “as the outcome of a specifically Russian tendency to oppose the singular to the plural” [Lehfeldt 2001: 150], не может рассматриваться как серьёзное.

¹⁸ Эта работа В. М. Иллич-Свитыча не была опубликована, я упоминаю о ней здесь, лишь чтобы отметить, что идеи Е. Куриловича не были нами проигнорированы.

виде имен masculina. Тщательно рассмотрев славянские факты этого рода, он заметил, “что соответствие, отмеченное Хиртом, является регулярным, когда идет речь об отражении индоевропейских баритонированных neutra в славянском; имена мужского рода, представленные в этом случае в славянском, имеют, как правило, окситонированную а. п.” [Иллич-Свитыч 1963: 124]. В. М. Иллич-Свитыч написал по результатам этого исследования статью “Акцентологический аспект перехода neutra > masculina (о-основы) в балтийском и славянском”, в которой, однако, не давал этому факту никакого фонетического объяснения. Предполагалось, что эта статья пойдет в 6-й выпуск “Вопросов славянского языкознания”. Уезжая в экспедицию в Ташкент для изучения юго-западных македонских диалектов Греции, В. М. Иллич-Свитыч оставил мне эту статью для прочтения, критики и внутренней рецензии. Я в это время работал над рецензией на книгу Хр. Станга. Результат В. М. Иллич-Свитыча мне пришелся весьма кстати: имевшиеся у меня материалы по *ā*-основам показывали соответствие славянской а. п. *b* литовской 2-й а. п. (правда, с многочисленными вариантами); при принятии первичности колонной окситонезы и этот материал как будто способствовал перестройке закона Фортунатова. Эту “перестройку” я осуществил в рецензии на книгу Хр. Станга [Дыбо 1962a]. Фактически это была не только рецензия на книгу Хр. Станга, но и рецензия на статью В. М. Иллич-Свитыча. Это становилось уже традицией в наших отношениях: он тогда написал разбор ещё не вышедшей моей работы о кельто-италийских сокращениях долгот, я давал рецензионную вставку о его работе. К моему крайнему удивлению, его реакция на эту рецензию, которую я дал ему по возвращению его в Москву, была отрицательной. Это решение он считал чистой фантазией, а свой материал никак не способствующим столь радикальному повороту. Мы проспорили целый день, я убеждал его, что и *ā*-основы, по-видимому, распределяются подобным же образом, что это распределение прослеживается в производных, но он остался при своем мнении. Лишь через неделю он, придя в Институт, сразу же объявил мне: “Да, и *ā*-основы распределяются так же”. Это означало, что необходима тщательная обработка акцентуационных соответствий балтийских и славянских именных основ и их соответствий с основами других индоевропейских языков, сохранивших или отразивших индоевропейский акцент. Он быстро написал статью “О стадиях утраты ринезма в юго-западных македонских говорах”, которой заменил в “Вопросах славянского языкознания” (вып. 6, М., 1962) статью, попавшую мне в руки, и мы выехали в Вильнюс работать с древнелитовскими памятниками и с Картотекой большого литовского словаря (карт. LKŽ). Наша работа разделялась тематически: я пытался найти новые данные по истории акцентовки литовского глагола, он работал над историей акцентовки именных основ, в основном непроизводных и имеющих соответствия в славянских и других индоевропейских языках, сохранивших или отразивших индоевропейский акцент. Но памятники мы читали одни и те же, и я, конечно, старался отмечать все случаи, которые могли быть ему полезны¹⁹. Работа В. М. Иллич-Свитыча доказала индоевропейский характер балтийских и славянских акцентных парадигм имени фактически во всех основных типах основ. Одним из результатов её было подтверждение того, что а. п. *b* почти во всех видах основ восходит к индоевропейскому баритонированному неподвижному акцентному типу. В 1968 году, распространив это правило на производные и показав соответствие их акцентовки аналогичным литовским образованиям, я назвал его, естественно, законом Иллич-Свитыча²⁰, см. [Дыбо 1968b: 220]. Так что за формулировку этого правила, так же как и за его название, несу ответственность я. Обо всём этом можно было бы не писать, если бы сам путь успешного изучения такого рода акцентных систем не характеризовал их устройство.

¹⁹ Это отразилось и в тексте его книги, см. [Иллич-Свитыч 1963: 21, сн. 31]. Со статьей А. Барановского [Барановский 1898] мы оба не были тогда знакомы.

²⁰ Такое название было вполне правомерно: переход и.-е. баритон neutra в славянские окситоны masculina был замечен, а затем тщательно обработан В. М. Иллич-Свитычем, он же обнаружил факты, которые мы называли архаизмом Иллич-Свитыча; тщательнейшая обработка соответствий *ā*-основ принадлежит тоже ему, как и нахождение соответствующих отношений в других видах непроизводных основ.

Что означало для нас принятие закона Иллич-Свитыча? Оно означало прежде всего то, что мы не можем отделить передвижение корневого ударения на следующий акутированный слог от передвижения на следующий краткостный слог и принимаем для праславянского языка периода, предшествующего его распадению, реконструкцию Хр. Стангом а. п. *b* как колонной акцентной парадигмы с ударением на слоге, следующем за корнем, но считаем её вариантом единого неподвижного акцентного типа, возникшим в результате передвижения ударения с краткостного и циркумфлексированного слога на следующий слог. Оно означало также, что мы принимаем ретракционную теорию возникновения нового акута Ившича — Станга и объясняем с её помощью отклонения акцентных кривых а. п. *b* от нормального колонного вида. То, что акцент передвигался на следующие редуцированные, но затем отодвигался на предшествующий слог при их ослаблении, В. М. Иллич-Свитыч показал при анализе акцентовки *й*-основ неподвижного акцентного типа [Иллич-Свитыч 1963: 147–148]. Я в дальнейшем использовал этот факт для объяснения вторичного акцентного типа $B (= b^b) < D$ в производных с суффиксами на редуцированные [Дыбо 1981b: 72–107] в русском и древнерусском. Для форм основ а. п. *b* с долгими циркумфлексированными гласными²¹ следующего за корнем слога предполагалось, что передвинутое на эти гласные ударение было затем отодвинуто на предшествующий слог. Это соответствовало основной части ретракционной теории Ившича-Станга, но я допускал также, что в данной группе словоформ передвижение ударения с корня на следующий слог могло и не происходить, так как латентная циркумфлексовая (восходящая?) интонация этого слога выступала фактором, препятствующим этому передвижению [Дыбо 1962b: 9]. Я также считал, что “циркумфлекс” нейтрализации тональных оппозиций фонетически отличался от балто-славянского циркумфлекса, который перед передвижением на следующий слог, скорей всего, был восходящим [Дыбо 1962b: 8–9; Дыбо 1981b: 45]²². Наконец, оба мы считали, что в славянских языках нет данных, позволяющих отделить процесс переноса акцента с циркумфлексированных и краткостных слогов на следующий акутированный слог от аналогичного переноса на краткостные слоги. Конечно, оба мы знали о странном поведении славянских долгот перед неконечным акутовым ударением, но ведь даже понятий “рецессивные слоги” и “доминантные слоги” тогда не существовало. А понятия “рецессивный акут” и “доминантный акут” могли появиться по крайней мере лишь тогда, когда появилось подозрение, что такие явления, как акут и фонологический источник “доминантности-рецессивности”, могут быть хронологически совмещены.

Важнейшим, или, как принято говорить, переломным, моментом в реконструкции праславянской и, соответственно, балто-славянской акцентуационной системы явилась реконструкция системы выбора акцентных типов производных и системы порождения акцентных парадигм “производных” категорий глагола (т. е. установление действия второго принципа парадигматического акцента в праславянском и балто-славянском). Реконструкция этих систем и обнаружение их тождества [Дыбо, Иллич-Свитыч 1963, Дыбо 1968b и Дыбо 1962b]²³, и тем самым доказательство фактического охвата единой системой порождения акцентных типов всей системы языка и привели к радикальному изменению самого взгляда как на реконструируемую систему, так и на современные и зафиксированные в памятниках письменности акцентные системы языков-потомков. В первом разделе книги В. Лефельдта достаточно подробно и точно описываются результаты этого поворота и те направления научного поиска, к которым он привел; но о самом повороте

²¹ То есть гласными с балто-славянским циркумфлексом (в славянском эти гласные отражаются с несокращающейся долготой).

²² Несколько иначе представлял себе этот процесс В. М. Иллич-Свитыч [Дыбо, Иллич-Свитыч 1963: 80–81].

²³ Глагольному аспекту этой проблематики была, в сущности, посвящена моя часть нашего совместного с В. М. Иллич-Свитычем доклада на V Международном съезде славистов [Дыбо, Иллич-Свитыч 1963: 70–77], более подробно и более тщательно обработанный раздел я поместил в [Дыбо 1981b], но в относительно полном виде эта проблема излагается лишь в [Дыбо 2000a] и (для балт.) в: “Морфонологизованные парадигматические акцентные системы”, т. II (готовится к печати).

говорится очень кратко и глухо²⁴. Тут следует вспомнить, что славянский и балтийский — это уникальные индоевропейские праязыки с разноместным ударением, имеющие в настоящее время достаточно полно описанные акцентные системы²⁵. Реконструкции индоевропейской акцентной системы фактически нет, более того, нет и адекватного описания древнеиндийской акцентной системы.

Способ реконструкции “по фрагментам”, когда отдельные “фрагменты” системы (например, акцентные системы презенса, аориста, причастий различных морфологических групп глаголов, акцентные системы различных словообразовательных типов имен и а. п. производящих) реконструировались автономно, а реконструкция системы возникала в результате совпадения дистрибутивных характеристик этих “фрагментов”, был продиктован самим характером вводимого в сравнение материала. Эта специфика материала, как бы “фрагментарное” отражение в системах-потомках первоначальной системы, была осознана в дальнейшем как результат в разной степени и направленности проведённого вытеснения парадигматического принципа построения акцентной системы категориальным, иначе говоря, как результат генерализации отдельных акцентных типов в определённых словообразовательных типах, в категориально организованных группах лексики и в грамматических категориях. А это означало, что обычно принимаемая как первоначальная связь акцентовки с определёнными морфологическими и словообразовательными категориями является в действительности вторичной, первичная же акцентная система, автономная по отношению к морфологической системе языка, организована в соответствии с описанными в [Дыбо 2000а: 10] двумя принципами парадигматического акцента. Попытки некоторых исследователей оспорить праславянскую и балто-славянскую акцентологическую реконструкцию, объясняя фрагменты парадигматической системы в языках-потомках как вторичные или объяснить её как результат вторичного развития в балто-славянском выглядят в высшей степени искусственными, продиктованными скорей нежеланием их авторов примириться с крушением привычного взгляда, нежели серьёзными научными основаниями. Введение морфонологического анализа, описанного в “Славянской акцентологии” [Дыбо 1981b], логически вытекает из характера реконструированной системы, но никак не связано с самим процессом реконструкции. Как было продемонстрировано там же, этот анализ и сопоставление систем непреложно приводит к интерпретации установленных соотношений как отображения системы индоевропейских тонов (скорее всего регистровых). Какой-либо иной интерпретации при данном уровне исследования акцентологических и тонологических процессов в языках мира предложить, по-видимому, невозможно.

Из других частей этого раздела книги В. Лефельдта специальные пояснения требует, пожалуй, один момент. Разбирая изменения реконструкции, предложенные в [Дыбо, Замятина, Николаев 1993b], В. Лефельдт, вероятно, не заметил, что разработанная С. Л. Николаевым концепция правостороннего дрейфа ударения как многоступенчатого процесса предложена как *альтернативный* вариант реконструкции [Дыбо, Замятина, Николаев 1993b: 15]. Это означает, что авторы предлагают этот вариант как возможный, но требующий многостороннего и тщательнейшего обсуждения. Это означает, что мы ожидаем, что данная проблематика станет объектом конструктивной критики. Однако, к сожалению, пока этого не произошло. Между тем это альтернативное предложение требует подробного рассмотрения. С моей точки зрения, наиболее сильная часть его — это возвращение к проблеме закона де Соссюра в славянском, принятие его балто-славянской древности и предложенная мной поправка к его формулировке. Аргументы и материалы в пользу восстановления этого закона с соответствующей поправкой для балто-славянского представлены в [Дыбо, Николаев 1998] и более подробно в [Дыбо 2000b] (в последней работе ти-

²⁴ Правда, автор достаточно подробно описывает результаты соответствующих исследований в третьем разделе работы, и в этом разделе такое полное описание совершенно уместно, но и в первом разделе было бы полезно кратко, но достаточно чётко изложить этот результат.

²⁵ Прабалтийская акцентная система будет изложена в моей книге “Морфонологизованные парадигматические акцентные системы”, т. II; однако и сейчас можно получить вполне адекватное представление о ней, опираясь на работы Ф. де Соссюра, К. Буги, Я. Эндзеллина, Пр. Скарджюса, В. М. Иллич-Свитыча и мои.

пографией потеряна подстрочная маркировка, которую можно восстановить по предыдущей работе). Ограничение закона де Соссюра хорошо фиксируется литовской 2-й акцентной парадигмой и древнелитовским словообразованием. Насколько я могу судить, коллега В. Хок [Hock 1994: 173] не считает отсутствие действия закона де Соссюра при внутренних акутированных слогах во 2-й а. п. *ā*-основ столь банальным, как коллега В. Вермеер (с. 153), не считал так и В. М. Иллич-Свитыч, который, отметив акцентовку этих форм у Д. Клейна, предположил даже введение в них накоренного акута, см. [Иллич-Свитыч 1963: 24, сн. 1]. По-видимому, однако, акута там не было, а знак ´ Д. Клейн поставил над доминантным циркумфлектированным слогом потому, что перед следующим порядком “рецессивный + безударный доминантный” он резко выделялся как акцентованный. Так что поправка к закону де Соссюра в настоящее время может считаться обоснованной не в меньшей мере, чем сам закон, и теми же самыми материалами: литовское склонение и литовское (древнелитовское, пралитовское) словообразование. Все возражения против поправки основаны лишь на том, что к соссюровским латентным слоговым интонациям уже привыкли (за 110 лет!), а к акцентуационным валентностям ещё нет. Более сложный вопрос, как относиться к другим “ступенчатым дрейфам”. Все эти ступенчатые передвижения акцента предполагают двойные мотивировки: 1) характер слога, с которого совершается передвижение, и 2) характер слога, на который разрешено и на который запрещено передвижение. Традиционная акцентологическая компаративистика, как правило, таких бифакторных и бивекторных объяснений старалась избегать. Обычно в таких случаях процесс разлагался на два монофакторных и моновекторных процесса. Например, в Самоборе *l*-причастия *põpil*, pl. *põpili*; *nàpil se*; *pòbral*; *se òpral*; *vùmrì* и т. п. показывают акцентовку на том же месте, где она восстанавливается в праславянском. Но непосредственная рефлексация праславянской акцентовки должна давать краткий нисходящий акцент (˘). Такой акцент с удлинением слога она и дает в первично двусложных формах: *hōg*, *hōga*; *vōz*, — в тех случаях, когда удлинения не происходило, можно ожидать ˘. Тут можно ввести бифакторное и бивекторное объяснение: в многосложных словах ˘ переходит в ˘́, а в первично двусложных ˘́ остается или удлиняется в ˘́. Но традиционное объяснение — ˘́ и ˘́́ передвигаются на следующий слог в виде ˘́́, а затем все ˘́́ при наличии предшествующих слогов отодвигаются в этой группе кайкавских диалектов на предшествующий слог в виде ˘́́́ — в этом случае такое решение поддерживается такой же рефлексацией внутреннего нового циркумфлекса. В тех случаях, когда такая перестройка невозможна или нежелательна, исследователь обычно предлагал или предполагал однородности второго фактора с процессом или его запретом. Так, в случае закона де Соссюра процесс вызывался близостью вершины акутированного слога от вершины ударного слога. Аналогичное объяснение предполагалось мной при допущении того, что передвижение ударения с корня на следующий долготный слог с балто-славянским циркумфлексом могло и не происходить, так как латентная циркумфлексовая (восходящая) интонация этого слога выступала фактором, препятствующим этому передвижению: вершина долготного слога была далеко, и её отделяло от ударного слога резкое падение. С. Л. Николаев, вероятно, не без влияния новых тенденций в исторической диалектологии сербо-хорватских языков, предпочитает бифакторное и бивекторное объяснение. Поскольку типология просодических процессов до сих пор не изучена, возражать против такого объяснения трудно. Проблему, вероятно, решит дальнейшее исследование. Во всяком случае здесь явно нет ни изоляционизма, ни “modus operandi of the MAS”, которые хочет видеть здесь профессор В. Вермеер.

Следует указать также некоторые частные поправки к этому (первому) разделу книги В. Лефельда.

На с. 11 дана ларингалистская интерпретация закона Хирта — Иллич-Свитыча, которая, к сожалению, фактически ликвидирует то уточнение, которое внес В. М. Иллич-Свитыч в закон Хирта: “Die Zurückziehung des Akzentes von der Ultima auf die Paenultima erfolgte, wenn der Silbenkern der Paenultima lang ist, wobei diese Länge auf eine idg. tautosyllabische Verbindung aus Vokal und Laryngal, Sonant und Laryngal oder Diphthong und La-

gungal zurückgeht”²⁶. Согласно этой интерпретации, перетяжка акцента на слог *paenultima* происходит, если этот слог раскрывается посредством определенной компаративистской процедуры как *-eH-*, *-uH-* или *-euH-* (где *e* — любой краткий гласный, *u* — любой сонант, *H* — любой ларингал), что неверно. В действительности, согласно В. М. Иллич-Свитычу и моим работам, перетяжка акцента на слог *paenultima* происходит в случае *-eH-*, *-uH-* или *-eHu-* и не происходит в случае *-euH-*. Тот момент, что в современной западной ларингалистской индоевропеистике случай *-eHu-* часто игнорируется, относится к проблеме *изоляция* (пользуясь терминологией второй части книги) западной ларингалистской индоевропеистики по отношению к результатам и материалам балто-славянской акцентологии, которого во времена Ф. де Соссюра и Г. Хирта не было²⁷.

На с. 28 имеется следующее утверждение относительно [Дыбо 2000а: 93 и сл.]: “Danach ist also die Akzentstelle in ostbulgarischen Formen wie *мóлѣхъ*, *мóлѣти* usw. nicht, wie noch 1990 angenommen, das Ergebnis einer Innovation, sondern ein Archaismus”. Это неверно. Согласно [Дыбо 2000а: 83–96], архаизмом является *мóлѣхъ*, *мóлѣти*, форма *мóлѣти* — инновация, возникшая в результате генерализации накоренного ударения в формах инфинитивной основы. Это же я объяснял и в [Дыбо 1996а] и [Дыбо, Замятина, Николаев 1993b].

Второй раздел работы озаглавлен “Grundzüge des balto-slavischen Akzentsystems”. В сущности, этот раздел посвящен закону Васильева — Долобко и выводам об акцентологической структуре слова в балто-славянском, которые из этого закона следуют. Отнесение закона Васильева — Долобко к балто-славянскому периоду — это очень интересный момент в изложении В. Лефельдта. В принципе я с В. Лефельдтом совершенно согласен: закон Васильева — Долобко — явление, безусловно, балто-славянское или даже, может быть, индоевропейское. Такой путь подачи материала и исследования, конечно, возможен, но он сильно затруднён; и создается впечатление, что автор специально пытается смягчить тот жёсткий подход к реконструкции праславянской и балто-славянской акцентной системы, который характерен для представителей московской акцентологической школы. В определенной степени это отклонение от того, что я считаю наиболее важным в акцентологической системе праславянского и балто-славянского языков. Это не означает, что автор, двигаясь в выбранном им направлении, не сможет осветить полученную представителями “MAS” реконструкцию, но при таком движении он оставляет в стороне как вторичное то, что в действительности является главным. Закон Васильева-Долобко является лишь частным проявлением кардинального принципа построения праславянской акцентной системы. Кардинальный принцип построения праславянской акцентной системы выводится в результате анализа парадигматического выбора акцентных типов производных и парадигматического выбора акцентных типов категорий глагола. Этому анализу была полностью посвящена книга [Дыбо 1981b] (более ранний вариант этого анализа был предложен мной в [Дыбо, Иллич-Свитыч 1963]). Путь, выбранный автором, приводит к значительным трудностям, когда в движении к балто-славянскому он вынужден опираться не только на славянские, но и на литовские материалы. Как правильно указывает автор в третьем разделе своей книги, в литовском закон Васильева — Долобко фактически отсутствует, мы встречаемся лишь с отдельными рефlekсами этого закона в виде оттяжки ударения на приставки и отрицание в презенсе и в презентном причастии, в виде

²⁶ В первом издании книги, где эта ларингалистская интерпретация отсутствовала, естественно, не было и этой ошибки: “die Zurückziehung des Akzentes von der Ultima auf die Paenultima erfolgte, wenn der Silbenkern der Paenultima auf einen idg. langen Monophthong, einen idg. langen Sonanten oder einen idg. langen Diphthong zurückgeht” [Lehfeldt 1993: 15].

²⁷ Конечно, то, что случай *-eHu-* не хотят замечать или, замечая его, постулируют метатезу: *-eHu-* > *-euH-*, психологически понятно, — но ведь в балто-славянском **-eHu-* и **-euH-* различаются, и процедура установления этого различия жёсткая. Следует отметить, что Р. Дерксен [Derksen 1991: 65] удачно обходит эту сложность, реконструируя **káHylos* < **keH₂ulós* (не эксплицируя, впрочем, при этом введение в и.-е. систему новой фонемы — неслогового *ɥ*). Указанная сложность устраняется, если мы откажемся от ларингалистской интерпретации и введем обычную долготу, тогда перетяжка акцента на слог *paenultima* происходит, если этот слог *-ē-*, *-ū-* или *-ēu-*, и не происходит, если он *-euā-*; все “апофонические” долготы, о которых писал В. М. Иллич-Свитыч (см. [Иллич-Свитыч 1963: 80–81]), оказались возникшими в балто-славянском по закону Винтера.

переведения материала на частицу *si* в претеритах и других категориях возвратных глаголов в диалектах и в древнелитовском, ещё меньше остатков этого закона в системе имени: можно предполагать, что рефлексy его сохранились в акцентовке иллатива и аллатива ед. числа, но в современном нормативном литовском они очень перестроены. В то же время парадигматический выбор акцентных типов производных прекрасно сохранялся в литовском языке XVI века, да и в литовском нормативном языке он так хорошо усматривается, что Ф. де Соссюр сразу же его заметил, см. выше об открытиях и позиции Ф. де Соссюра, см. также [Дыбо 1981a, Дыбо, Николаев 1998, Дыбо 2000b]. Иначе говоря, по балтийскому материалу так же легко, как и по славянскому, провести морфологический анализ, подобный тому, который проведен в [Дыбо 1981b], естественно, с теми же результатами. И эти результаты сами обосновывают рассмотрение приведенных выше явлений как реликтов закона Васильева — Долобко.

Следует указать также на одну частную поправку к этому (второму) разделу книги В. Лефельдта.

Закон Л. Л. Васильева был сформулирован им не в [Васильев 1929], а в статьях: [Васильев 1905a]; [Васильев 1905b] (в работе [Lehfeldt, Berger 1984] эти статьи были указаны совершенно правильно). Следует однако иметь в виду, что Л. Л. Васильев ни в данных статьях, ни в каких-либо позднейших публикациях не привел никаких материалов, доказывающих его закон²⁸, а М. Долобко, по-видимому, не подозревал, что представленные им факты (см. [Долобко 1927]) имеют какое-либо отношение к закону, выдвинутому Л. Л. Васильевым. Все материалы, доказывающие закон Л. Л. Васильева, были собраны мною и представлены в [Дыбо 1975, Дыбо 1977a, Дыбо 1971b, Дыбо 1971a] (более подробно, с анализом акцентовки проклитико-энклитических групп, во II томе моей докторской диссертации — не опубликовано), обоснование тождества явлений, представленных М. Долобко, с явлениями, описываемыми законом Л. Л. Васильева, см. в [Дыбо 1975]. Поэтому все ссылки на закон Васильева — Долобко должны делаться с учетом этого обстоятельства: если нас интересует приоритет, то естественно дать отсылку на указанные статьи Л. Л. Васильева и М. Долобко; если же нас интересует суть этого явления, то следует дать отсылки на указанные выше мои работы, добавив при этом [Дыбо 2000a: 643] и соответствующие разделы с материалами по акцентовке подвижного акцентного типа глаголов. Сам термин “закон Васильева — Долобко” был предложен мною, я при этом опирался на традицию, согласно которой, как правило, определенному фонетическому явлению (закону) в компаративистике присваивается имя исследователя, который первый обнаружил это явление и достаточно полно описал круг феноменов (или позиций), в которых оно наблюдается (невозможно менять название “законов” в зависимости от тех интерпретаций и частных изменений, которые вносят в них последующие исследователи, ср. закон Хольцмана; лишь в том случае, когда вносится определенное изменение, вводящее дополнительное ограничение или расширение позиций действия подобного закона, приходится к названию закона добавлять имя исследователя, введшего это ограничение или расширение). К сожалению, со ссылками на “закон Васильева — Долобко” история науки поступила юмористично²⁹: в целом ряде публикаций даются отсылки на Васильева и Долобко, у которых читатель не находит ни соответствующего термина, ни указания на связь явлений, описываемых М. Долобко, с законом, выдвинутым Л. Л. Васильевым для древнемосковского диалекта, при этом, как правило, нет отсылки на мои работы, где читатель смог бы получить соответствующее объяснение и доказательства.

В отличие от 2-го раздела, 3-й раздел работы В. Лефельдта “Das Akzentsystem des Urslavischen” довольно обширен: он охватывает проблематику [Дыбо 2000a] и состоит из

²⁸ В статье “Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -ль” Л. Л. Васильев при помощи своего закона объясняет акцентовку числительных *пятьдесят, шестьдесят* в отличие от *семьдесят, восемьдесят*, но это вряд ли можно считать доказательством (см. [Васильев 1905b]).

²⁹ Это не относится к книге В. Лефельдта, в ней указание на закон Васильева — Долобко дано, правда, слишком кратко, но вполне корректно, кроме указанной выше ошибки: в [Васильев 1929] формулировки закона Васильева нет, эта работа посвящена памятникам, не относимым к московскому диалекту.

шести подразделов: 1. Акцентовка простых имен. 2. Акцентовка производных имен. 3. Акцентовка форм презенса тематических глаголов. 4. Акцентовка остальных форм тематических глаголов. 5. Акцентовка *i*-глаголов. 6. Итоговый анализ структуры праславянской акцентной системы.

4-й раздел “Zur Akzententwicklung des Slavischen in historischer Zeit” не может, конечно, содержать всю ту проблематику, которая заключена в его заглавии, так как лишь история русской акцентной системы получила солидную монографическую обработку в исследовании А. А. Зализняка [Зализняк 1985], а ряд последующих исследований, в том числе и исследований самого А. А. Зализняка ([Зализняк 1989, Зализняк 1990] и др.), в определенной степени осложнили первичную ситуацию.

Хотя 5-й раздел озаглавлен “Das Akzentsystem des Litauischen in synchroner und diachroner Perspektive”, диахронная перспектива в нем представлена очень сжато, а в ряде важных моментов фактически отсутствует. Автор опирается в этом разделе на грамматики Зенна [Senn 1966] и Амбразаса и др. [Амбразас 1985]. Обе грамматики очень хорошие, вторая имеет составленный А. Гирденисом очень интересный акцентологический очерк, но они синхронные. Для диахронной перспективы была бы полезной грамматика Я. Отрембско-го, которая содержит исторические комментарии, в том числе и по акцентологии. В отношении диахронной перспективы автор, по-видимому, опирался в основном на работу [Derksen 1991]. Эта работа достаточно точная, что касается балтийской и балто-славянской компаративистики, кроме того момента, что в ней осталось традиционное генетическое отождествление балтийского и славянского циркумфлексов, что, как я уже неоднократно писал, неверно. Но главное, чего не хватает в этой статье, так же как и в данном разделе книги В. Лефельдта, это более подробного рассмотрения литовско-латышского сравнения уже не в плане “латышские и литовские интонации”, а в плане “латышские интонации и литовские акцентные парадигмы разных лексико-грамматических категорий”. Именно эта проблема была основной в исторической литовской акцентологии, и она оказалась крайне важной и для балтийско-славянского сравнения. В книге В. Лефельдта (с. 117) правильно показано, что прилагательные с основами на *-a-* и *-u-* имеют в нормативном литовском языке только подвижный акц. тип, т. е. относятся к 3-й и 4-й а. п., но в латышском языке соответствия литовским основам 3-й а. п. представлены с двумя интонациями: плавной (˘) и прерывистой (ˆ), аналогично, литовским глаголам с акутированными корнями (с одно-сложными основами), имеющим, естественно, неподвижный акцентный тип, в латышском языке соответствуют глаголы также с двумя интонациями: плавной (˘) и прерывистой (ˆ).

Прилагательные с интонацией ˘, соответствующие литовским прилагательным 3-й а. п.:

1. лтш. *aũgsts* ~ лит. *aukštas* (3) ‘высокий’; 2. лтш. *dzīvs* ~ лит. *gyvas* (3) ‘живой’; 3. лтш. *jaūns* ~ лит. *jaunas* (3) ‘молодой, юный’; 4. лтш. *karšts* ~ лит. *kārštas* (3) ‘горячий’; 5. лтш. *ciēts* ~ лит. *kietas* (3) ‘твёрдый; жёсткий’; 6. лтш. *mīksts* ~ лит. *minkštas* (3) ‘мягкий’; 7. лтш. *nuōgs* ~ лит. *niūogas* (3) ‘голый, нагой’; 8. лтш. *plāns* ~ лит. *plónas* (3) ‘тонкий’; 9. лтш. *šķīsts* ‘жидкий’ ~ лит. *skýstas* (3) ‘жидкий’; 10. лтш. *sīksts* ~ лит. *šýkštas* (3) ‘geizig’ (K. 224); 11. лтш. *garšds* ~ лит. *gardūs*, *-i* (3) ‘вкусный, лакомый’.

Прилагательные с интонацией ˆ, противоречащей 3-й и 4-й а. п. соответствующих литовских прилагательных:

1. лтш. *balts* ~ лит. *báltas* (3) ‘белый’; 2. лтш. *ilgs* ~ лит. *ilgas* (3) ‘длинный’; 3. лтш. *caurs* ~ лит. *kiáuras* (3) ‘дырявый; сквозной’; 4. лтш. *palšs* ~ лит. *pálšas* (3) ‘светло-серый’; 5. лтш. *pilns* ~ лит. *pilnas* (3) ‘полный’; 6. лтш. *sūrs* ‘горький’ ~ лит. *sūras* (3) ‘salzig’ (K. 224) [нормат. *sūrūs*, *-i* (3) ‘солёный’]; 7. лтш. *braņgs* ~ лит. *brangūs*, *-i* (3) ‘дорогой; милый’; 8. лтш. *gaūss* ~ лит. *gausūs*, *-i* (4) ‘обильный, щедрый’; 9. лтш. *līg*, *līgans*, *līdzs* ~ лит. *lygūs*, *-i* (3) и *lygus*, *-i* (1) [так по DLKŽ, у Либерица (L.) *lygus* (3)] ‘ровный, гладкий’; 10. лтш. *mīļš* ~ лит. *meilūs*, *-i* (4) ‘ласковый, нежный, любезный’; 11. лтш. *stiņgrs* ~ лит. *stingrūs*, *-i* (4) ‘упругий; тугой’.

Аналогично, двум латышским интонациям в глаголах с первоначально акутированным корнем соответствовала единая акцентная парадигма спрягаемых форм глагола в литовском языке (ниже “*praes.*” = *praes. sg. 1.*):

Глаголы с прерывистой интонацией в латышском:

1. лтш. *bēgt* 'бежать', praes. *bēgu* ~ лит. *bēgti* 'бежать', praes. *bēgu*; 2. лтш. *aūgt*, praes. *aūgu* ~ лит. *augti* 'расти', praes. *augu*; 3. лтш. *aust* 'ткать', praes. *aūžu* ~ лит. *āusti* 'ткать', praes. *āudžu*; 4. лтш. *glābt* и *glēbt* 'спасать', praes. *glābju* и *glēbju* ~ лит. *glōbtī* 'окутывать, закутывать; обнимать; помогать', praes. *glōbiu*, и *glēbti* 'обнимать', praes. *glēbiu*; 5. лтш. *grauzt* 'грызть, глодать', praes. *graužu* ~ лит. *gráužti* 'грызть, глодать', praes. *gráužiu*; 6. лтш. *uōst* 'нюхать, обонять', praes. *uōžu* ~ лит. *uosti* 'нюхать; обонять, чуют', praes. *uodžu*; 7. лтш. *diēgt* 'колоть, жалить; вдевать, продевать, нанизывать; шить, сшивать; бить', praes. *diēdžu* ~ лит. *diegti* 'садить, сажать, прорашивать; внедрять; колоть (в боку и т. д.)', praes. *diegiu*; 8. лтш. *diġt* 'прорастать, пускать ростки', praes. *diġstu* ~ лит. *dýgti* 'произрастать, прорастать, всходить', praes. *dýgstu*; 9. лтш. *lauzt* 'ломать', praes. *laužu* ~ лит. *laužti* 'ломать', praes. *laužiu*; 10. лтш. *lūzt* 'ломаться', praes. *lūstu* ~ лит. *lūžti* 'ломаться', praes. *lūžtu*; 11. лтш. *viřt* 'кипеть, вариться', praes. *veřdu* ~ лит. *virti* 'кипеть, вариться', praes. *veřdu*; 12. лтш. *jāt* 'ехать верхом', praes. *jāju* ~ лит. *jōti* 'ехать верхом', praes. *jōju*; 13. лтш. *klāt* 'покрывать; стлать', praes. *klāju* ~ лит. *klōti* 'стелить; накрывать, покрывать', praes. *klōju*; 14. лтш. *stāt* 'становиться, вставать, оставаться; таиться', praes. *stāju*, и *stātiēs* 'становиться, оставаться, покоиться', praes. *stājus* ~ лит. *stōti* 'стать, становиться; вставать', praes. *stōju*; 15. лтш. *blāūt* 'кричать, орать', praes. *blāju* или *blāunu* ~ лит. *bliāuti* 'блеять', praes. *bliāunu*; 16. лтш. *raūt* 'рвать, вырывать', praes. *rauju* или диал. *raunu* ~ лит. *rauti* 'рвать, вырывать', praes. *raunu*; 17. лтш. *žauīt* 'развешивать (для просушки)', praes. *žāju* или *žāunu* ~ лит. *džiāuti* 'вешать (для просушки); воровать', praes. *džiāunu*; 18. лтш. *žūt* 'сохнуть', praes. *žūstu* ~ лит. *džiūti* 'сохнуть, высыхать; увядать; чахнуть, хиреть', praes. *džiūstu* или *džiūvu* [и *džiūvū*, sg. 3. *džiūva* (по Юшкевичу и К. Буге: *džiūvū*, sg. 3. *džiūva*)].

Глаголы с плавной интонацией в латышском:

1. лтш. *nākt* 'идти, приходиться', praes. *nāku* (или диал. *nācu*) ~ лит. *nōkti* 'созревать, зреть', praes. *nōkstu*, и диал. *nōkti* 'гнать', praes. *nōkiu*, и *nōktis* 'двигаться наперегонки', praes. *nōkiuos(i)*; 2. лтш. *drāzt* 'строгать; очинивать', praes. *drāžu* ~ лит. *drōžti* 'строгать, вырезать; ударять; быстро идти', praes. *drōžiu*; 3. лтш. *snaūst* 'дремать', praes. *snaūžu* ~ лит. *snāusti* 'дремать', praes. *snāudžu*; 4. лтш. *trūkt* 'не хватать, недоставать; отсутствовать', praes. *trūktu* ~ лит. *trūkti* 'недоставать, не хватать; лопнуть, порваться, треснуть', praes. *trāktu*; 5. лтш. *vīst* 'вянуть, увядать', praes. *vīstu* ~ лит. *výsti* 'вянуть, увядать', praes. *výstu*; 6. лтш. *sēt* 'сеять', praes. *sēju* ~ лит. *sėti* 'сеять', praes. *sēju*; 7. лтш. *spēt* 'мочь, быть в состоянии, быть в силах', praes. *spēju* ~ лит. *spēti* 'успевать; предполагать; угадывать, разгадывать', praes. *spēju*; 8. лтш. *ļauīt* 'позволять, разрешать, давать (возможность что-л. сделать)', praes. *ļāju* или *ļāunu* ~ лит. *liāuti* (и *liāutis*) 'переставать; прекращать', praes. *liāju* [и *liājuos(i)*] или *liāunu* [и *liāunuos(i)*]; 9. лтш. *kraūt* 'грузить, нагружать', praes. *krauju* или *kraunu* ~ лит. *krāuti* 'складывать; сваливать; грузить; вить (гнездо)', praes. *krāunu* или *krāju*; 10. лтш. *plāūt* 'косить; жать (хлеб)', praes. *plāju* или *plāunu* ~ лит. *pjāuti* 'пилить; жать (хлеб); косить', praes. *pjāunu*; 11. лтш. *spļauīt* 'плевать', praes. *spļāju* ~ лит. *spjāuti* 'плевать', praes. *spjāunu*; 12. лтш. *šauīt* (и диал. *saūt*) 'стрелять; ставить (хлебы в печь)', praes. *šāju* или *šāunu* (и диал. *saunu*) ~ лит. *šauti* 'стрелять, бить; сажать, ставить', praes. *šāunu*.

Характерно, что латышские показания поддерживались и славянскими соответствиями:

Прилагательные

Латышская прерывистая интонация ~ славянский подвижный акц. тип

1. лтш. *dzīvs* ~ слав. **živъ*, f. **živā*, n. **živo* [схрв. *živъ*, *živŭi*, f. *živā*, n. *živō*, adv. *živō*; словен. *živ*];

2. лтш. *niōgs* ~ слав. **nāgъ*, f. **nagā*, n. **nāgo* [схрв. *nāg*, *nāgŭ*, f. *nāga*, n. *nāgo*; ст.-хорв. (Ю. Крижанич) *Нāг* Гр. 55¹, pl. *nāgi* Пол. 100; словен. *nāg*];

3. лтш. *jaūns* ~ слав. **jŭnъ*, f. **juna*, n. **jūno* (словен. *jŭn*; f. *jūna*, асс. *junō*; n. *junō*; русск. *юн*, f. *юна*, n. *юно* [Иллич-Свитыч 1963: 152]);

4. лтш. *salds* ~ слав. **sōldъ*, f. **soldā* (из **soldŭ*?), n. **sōldo* [ст.-хорв. (Ю. Крижанич) **Слāдо**к Гр. 55¹, сравн. степень **слāж**и Гр. 55¹; ср.-болг. зап. **слāдо**къ ИсСир. 2276, чл. ф. **и слāк**и ИсСир. 1626].

1. лтш. *īlgs* ~ слав. **dǫlgъ*, f. **dǫlga*, n. **dǫlgo* [схрв. *dǔg*, *dǔgǔ*, f. *dǔga*, n. *dǔgo*; ст.-хорв. (Ю. Крижанич) **Дѣлг** Гр. 55¹, 135¹];
2. лтш. *piļns* ~ слав. **prǫlnъ*, f. **prǫlna*, n. **prǫlno* [схрв. *пѹн*, *пѹнѹ*, f. *пѹна*, n. *пѹно*; ст.-хорв. (Ю. Крижанич) **Пѣлн** Гр. 55², f. **пѣлана** Гр. 161¹, 172², n. **пѣлно** Пол. 20];
3. лтш. *mīļš* ~ слав. **mīlъ*, f. **mīla*, n. **mīlo* [схрв. *мѹо*, *мѹлѹ*, f. *мѹла*, n. *мѹло*; ст.-хорв. (Ю. Крижанич) **мѹл** Гр. 55², f. **мѹла** Гр. 172¹, **нѹ мѹло** Гр. 117²];
4. лтш. *šķists* ~ слав. **čistъ*, f. **čista*, n. **čisto* [схрв. *чѹст*, *чѹстѹ*, f. *чѹста*, n. *чѹсто*; ст.-хорв. (Ю. Крижанич) **Чѹст** Гр. 56¹; словен. *čist*].

Подобные латышско-славянские акцентологические соответствия были обнаружены и в глагольной системе:

Глаголы

Латышская прерывистая интонация ~ славянский подвижный акц. тип

1. лтш. *būt* ~ слав. **bŭlъ*, f. **bŭlā*, n. **bŭlo* (русс. *прѣбыл*, f. *былā*; схрв. шток. *bŭo*, f. *bŭa*; схрв. диал. чак. *bīl*, f. *bīlā*; словен. *bīl*, f. *bīlā*, n. *bīlō* и *bīlō*);
2. лтш. *duôt* ~ слав. **dālъ*, f. **dālā*, n. **dālo* (русс. *прѣдал*, f. *далā*; схрв. шток. *dāo*, f. *dāa*; схрв. диал. чак. *dāl*, f. *dālā*; словен. *dāl*, f. *dāla*, n. *dālo*);
3. лтш. *līt*, *liēt* ~ слав. **lilъ*, f. **lilā*, n. **lilo* [русс. *прѣлил*, f. *лилā*; схрв. шток. (RJA VI, c. 123) *lŭo*, f. *lŭa*; словен. *līl*, f. *līla*, n. *līlo*];
4. лтш. *pīt* ~ слав. **pēlъ*, f. **pēlā*, n. **pēlo* (др.-русс. **зѣпѣ** Пс. № 62, 846, **рѣспѣл** см. Цв. II, 46, 33а, 466; схрв. шток. *pěo*, f. *pēla*; словен. *zapēl*, n. *zapēlo* Rad 132: 204).

Латышская плавная интонация ~ славянский неподвижный акц. тип

1. лтш. *kraūt* ~ слав. **krŭlъ*, f. **krŭlā*, n. **krŭlo* (русс. *покрѣл*, f. *крѣла*; схрв. шток. *krŭo*, f. *krŭa*; словен. *krīl*, f. *krīla*, n. *krīlo*);
2. лтш. *māit* ~ слав. **mēllъ*, f. **mēllā*, n. **mēllo* (русс. *молол*, f. *молóла*; схрв. шток. *mījēo*, f. *mījēla*; словен. *mèl*, f. *mēla*, n. *mēlo*);
3. лтш. *šūt* ~ слав. **šilъ*, f. **šilā*, n. **šilo* (русс. *зашил*, f. *шилā*; схрв. шток. *šŭo*, f. *šŭa*; словен. *šil*, f. *šila*, n. *šilo*);
4. лтш. *mīt* ~ слав. **mēlъ*, f. **mēlā*, n. **mēlo* [русс. *номѣл*, f. *мѣла*; словен. *mèl*, f. *mēla*, n. *mēlo* Svane 93, у Валявца (Rad 132: 124) *mèl*, f. *mēla*].

См. [Būga 1924a].

Необходимость объяснения этого положения и вызвала к жизни литовскую историческую акцентологию. Исследование истории литовского именного ударения показало, что ещё в XVII в. прилагательные имели все четыре литовские акцентные парадигмы. Материалы акцентованных текстов XVI в. Николая Даушки, см. [SkDA], показали также сохранение в литовском в то время парадигматического выбора акцентных типов производных, см. [Дыбо 1981a]. Это Ф. де Соссюр фактически установил, как я показал выше, по материалам нормативного литовского языка его времени, но прилагательные с рессивными суффиксами от имен подвижной акцентной парадигмы в его время уже потеряли подвижность акцента, поэтому он ограничился осторожной характеристикой, что они “не безразличны к производящему слову и требуют, чтобы производное слово имело тот же тип наосновного ударения, что и производящее” [Соссюр: 625]³⁰. Материалы Николая Даушки, расписанные Пр. Скарджюсом, показали подвижный акцентный тип (3-я а. п.) прилагательных с суфф. *-iškas*, образованных от имен подвижной а. п. Сам Пр. Скарджюс, правда, на этот важный факт не обратил должного внимания, считая соответствующие формы отражением окситонезы (см. выше). В области глагола были установления отражение подвижного акцентного типа в акцентовке кондиционалиса, правда, без

³⁰ Видел ли Ф. де Соссюр, что они продолжают подвижный акцентный тип, можно было бы установить, если бы были известны литовские материалы, расписанные им, когда он работал над своими акцентологическими статьями.

строгого доказательства жёсткой парадигматической связи этих реликтов, а также отяжка удара на местоимение *si* у претерита возвратных глаголов подвижного акцентного типа (фактически реликт закона Васильева — Долобо в литовском). Это второе открытие, которое при относительно небольшом количестве зафиксированных словоформ достаточно ясно подтверждалось латышскими соответствиями с прерывистой интонацией, имело то важное значение, что переносило дихотомию акцентных типов с основы презенса на основы других финитных категорий глагола. Отсутствие строгого доказательства, жёсткой парадигматической связи реликтов подвижного акцентного типа литовского кондиционалиса было компенсировано тем, что в 1927 г. в статье *Die Intonation des slavischen Supinums* [Булаховский 1927] Л. А. Булаховскому удалось доказать связь циркумфлекса, появляющегося вместо акута в славянском супине, с подвижным акцентным типом славянского глагола. Последнее обстоятельство имело такое значение, так как литовский кондиционалис был образован от основы супина. В этой прекрасной статье Л. А. Булаховский фактически объединил акцентные типы инфинитных категорий славянского глагола с акцентными типами его финитных форм, наметив таким образом реконструкцию двух акцентных типов славянского глагола и их генетическое тождество соответствующим типам балтийского глагола. Оставалось только отказаться от избыточного представления о первичности колонного характера подвижного акцентного типа, вернувшись к сосюрговским началам реконструкции, что и было фактически осуществлено Хр. Стангом, показавшим балто-славянский характер сосюрговской “грамматической” подвижности акцента. Важным результатом балтийской сравнительно-исторической и литовской исторической акцентологии было также то, что она установила парадигматический выбор акцентных типов в отглагольном именном словообразовании. Приведу лишь одно правило, установленное К. Бугой [Būga 1924b]:

Имена с суффиксами *-tuvas* и *-tuvė*

I. От глаголов неподвижного акц. типа: 1. лит. *káltuvė* ‘ковальня’ (*Šakýna, Žagarės raj.*) (*kálti* ‘ковать’) ~ лтш. *kalī* ‘schmieden, schlagen’; 2. лит. *máltuvė* ‘молодня’ (*Šakýna, Žagarės raj.*) (*málti* ‘молоть’) ~ лтш. *malīt* ‘mahlen, drehen, schwatzen’; 3. лит. *mintuvai* ‘мяло, льномялка, трепало’ (*minti* ‘мять’) ~ лтш. *mīt* ‘treten’; 4. лит. *sėtuvė* ‘лукошко (с зерном), посевной ящик’ (*sėti* ‘сеять’) ~ лтш. *sēt*; 5. лит. *trintuvai* в выражении *mintuvai-trintuvai* ‘móterų darbas’ Būga RR III 67 (*trinti* ‘тепеть’) ~ лтш. *trīt* ‘reiben, schleifen, schärfen’; и подобные.

II. От глаголов подвижного акц. типа: 1. лит. *artūvas* ‘darbininkas arklys’ SkŽD 383 (*arti* ‘пахать’) ~ лтш. *arīt* ‘pflügen’; 2. лит. *nuduotūvės* ‘обет, брак’ (др.-лит. *nudūtūwii* ‘šlub’ gen. pl. DP 281₃₁) (*duoti* ‘давать’) ~ лтш. *duot* ‘geben’; 3. лит. *pragertūvės* J⁹, *užgertūvės* Šl. ‘zapicie, wypicie (po załatwieniu jakiejś sprawy; za czyjeś zdrowie)’ (*gerti* ‘пить’) ~ лтш. *dzeift* ‘trinken, saufen, zechen’; 4. лит. *lietūvai* ‘форма, в которой отливают свечи, фигуры’ (*lieti* ‘лить’) ~ лтш. *liēt* ‘gießen, vergießen’; 5. лит. *pintūvės* Šl. (2): *pintūvių vākaras* — ‘wieczór przed ślubem, na którym dla młodej wiją wianek’ (*pinti* ‘плести, вить; сплетать’) ~ лтш. *pīt* ‘flechten’; и подобные.

Я понимаю, что в книге по славянской сравнительно-исторической акцентологии, предназначенной для целей обучения, углубляться ещё и в историческую и сравнительно-историческую балтийскую акцентологию было бы слишком трудоёмко; но об основных результатах исторических исследований по акцентологии литовского языка Я. Эндзелина, К. Буги, Пр. Скарджюса, В. М. Илич-Свитыча и моих для западного читателя полезно было бы и сообщить. Тем более, что у западных славистов и у лингвистов, ориентирующихся на западную славистику, наблюдается явный *изоляциялизм* (пользуясь терминологией второй части книги) по отношению к работам представителей “восточно-европейской акцентологической школы”. В обширной библиографии, приложенной к книге, нет работ К. Буги, Я. Эндзелина, Пр. Скарджюса. Имеется, правда, моя работа по акцентным типам производных имен в пралитовском [Дыбо 1981a], но это лишь конспективное изложение большого исследования, которое нужно читать, имея под рукой указанные там источники, в том числе работы данных авторов. В связи с указанной вы-

ше лакуной обращая внимание на мою обзорную статью “Балтийская сравнительно-историческая и литовская историческая акцентология” [Дыбо 2005b].

Как я уже отметил выше, в 1961 г. я послал в Софию ответ на вопрос “Какви са резултатите от сравнителното изследване на славянската акцентология?” В этом ответе предельно кратко, но достаточно полно была описана праславянская акцентологическая реконструкция, которая в дальнейшем была представлена в книгах [Дыбо 1981b] и [Дыбо 2000a]. Этот ответ был в сущности программой моих дальнейших исследований, одновременно он был ответом на статью [Neustupný 1959]. В дальнейшем, чтобы показать, чем же действительно отличается славянская акцентная система от токийской японской, мной был принят ряд исследований, результаты которых отразились в [Дыбо 1973с, Дыбо 1977с, Дыбо 1997, Дыбо 2005a] и под. Но это, скорей всего, тема второй части данной моей статьи.

Как, вероятно, ясно из вышеизложенного, тот поворот, который мы осуществили, был в очень значительной степени подготовлен результатами исследований предшественников, в том числе и работой Хр. Станга. К счастью, в определенной степени случайно он был подготовлен предшественниками и в фактографическом плане: фототипически был издан Чудовский Новый Завет [ЧНЗ] (указание на наличие в нем важных акцентуационных феноменов дано Л. Л. Васильевым), достаточно прилично было издано “О письменах” Константина Костенечского (указание на наличие в нем тех же феноменов дано Л. Л. Васильевым), значительные куски из Зогр. № 171 (Зогр. сб. № 103) изданы Й. Ивановым (Български старини из Македония. София, 1931), ряд текстов Ю. Крижанича довольно прилично был издан уже в XIX в., в огромной статье М. Валявца [Valj. Rad] приведены многочисленные и очень значимые выписки из кайкавских и словенских текстов. Имелось и несколько других менее значимых изданных источников. Так что, ознакомившись с ними, я уже тогда достаточно полно представлял реконструированную праславянскую акцентную систему. Однако значительно более сложным делом было провести эту реконструкцию во всех частностях. Казалось бы, что здесь трудного? Тексты в восточнославянской и южнославянской письменности акцентуются с XIV века (а может быть, и с более раннего времени: некоторые восточноболгарские тексты первой половины XIV века явно переписаны с уже акцентованных текстов, не говоря уже о “Киевских листках” или о “Фрейзингских отрывках”, ограниченность материала которых служит значительным препятствием для строгого доказательства акцентуационного значения их надстрочных знаков). При отсутствии строгого нормирования акцентуации мы должны были получить в ранних акцентуированных текстах значительное количество диалектных акцентуационных систем. При достаточно большом количестве текстов, относившихся к одному и тому же диалекту, легко достаточно полно описать его акцентную систему. Отсутствие в древних памятниках указания на слоговые интонации при таком описании никакой роли не играло, так как уже тогда стало ясно, что слоговые интонации в славянском значительно более тесно связаны с акцентными парадигмами, чем в балтийском. Однако при огромном количестве изданных древних восточнославянских и южнославянских текстов они, как правило, изданы со снятием всех надстрочных знаков, так изданы летописи, так изданы литературные памятники. Издание памятника с диакритикой до сих пор остается скорей исключением, чем правилом. Более того, подавляющее большинство каталогов (как изданных, так и библиотечных) при описании рукописи не указывают, имеется ли в ней диакритика и какая, не говоря уже об указании на характер просодического значения этой диакритики. Даже тогда, когда памятник издается с диакритикой, он, к сожалению, подвергается “филологической” обработке. Одной из задач филологической обработки текста считается задача облегчить чтение текста не подготовленными специально людьми. Эта “педагогическая” задача требует издания текста с современным делением на словоформы, что в тех случаях, когда текст рукописи делится на тактовые группы, приводит к потере важной лингвистической информации, не говоря уже о том, что зачастую вносит ряд субъективных интерпретаций. Очень часто издатель сохраняет в издаваемом тексте лишь те диакритические знаки, которые, как он считает, обозначали ударение, и опускает те, которые, как он считает, ничего не обозначали. Очень часто от этой операции страдает исо (соединение дасии или псили, апострофа, с оксией), особенно в его лигатурном напи-

сании (̣, ̤, ̥), часто камора, лонга и почти всегда спиритусы (псили, апостроф, и дасия). Даже очень тщательно изданный И. В. Ягичем текст сочинения Константина Костенечского “*Вказаніє нъзвѣстнѣно ѡ писменѣ*” при сверке его с фототипическим изданием [Куев, Петканов 1986] обнаруживает в области диакритики большое количество пропусков и ошибок³¹. По-видимому, единственный реальный выход из положения — при издании древнего памятника всегда при наборном тексте давать его фототипическое воспроизведение. При этом ценность наборного воспроизведения остаётся, так как глаз исследователя способен зачастую увидеть то, что не зафиксирует фотоаппарат. Но это всё пожелания для идеального будущего. В настоящем же остается поиск полезных для акцентологии рукописей “методом тыка”, так как даже такое указание, как “сербская”, свидетельствует лишь о безъюзовом письме, а для указания времени создания рукописи характерен случай с Зогр. № 151, который Куев датирует XVII веком, см. [Куев, Петканов 1986: 326], а по бумаге (водяным знакам) листов из этого сборника Муз. № 3070 устанавливается первая половина XV века, и сам Сборник, скорее всего, руки Константина Костенечского. Если учитывать, что чтобы установить, будет ли иметь какое-либо значение для праславянской реконструкции акцентовка рассматриваемой рукописи³², нужно расписать и проанализировать порядка полусотни листов, то, я думаю, будет понятно, что основным достижением “MAS” я считаю то, что мы обнаружили достаточно большую группу славянских акцентуированных текстов, полезных для праславянской акцентологической реконструкции (в значительной степени, обеспечивших её), и доказали продуктивность такой работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ³³

- Амбразас 1985 — Грамматика литовского языка / Главный редактор В. Амбразас. Вильнюс, 1985.
 Барановский 1898 — *А. Барановский*. Заметки о литовском языке и словаре // СБОРЯС. LXV. 9. Санктпетербург, 1898.
 Булатова 1975 — *Р. В. Булатова*. Старосербская глагольная акцентуация. М., 1975.
 Булаховский 1927 — *L. Bulachowski*. Die Intonation des slavischen Supinums // Zeitschrift für slavische Philologie. 1927. Bd. 4. (Перевод этой статьи на русский язык издан в: *Л. А. Булаховский*. Вибрані праці в п'яти томах. Том четвертий. Слов'янська акцентологія. Київ, 1980.)
 Булаховский 1946 — *Л. А. Булаховский*. Интонация и количество форм dualis именного склонения в древнейшем славянском языке // ИАН ОЛЯ. 1946. Т. 5. Вып. 4. (Переиздано в: *Л. А. Булаховский*. Вибрані праці в п'яти томах. Том четвертий. Слов'янська акцентологія. Київ, 1980.)
 Васильев 1905a — *Л. Л. Васильев*. К истории звука ѣ в московском говоре в XIV–XVII вв. // ИОРЯС. Т. X. Кн. 2. Санктпетербург, 1905.
 Васильев 1905b — *Л. Л. Васильев*. Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -ль // ЖМНП. 1905, август.
 Васильев 1929 — *Л. Л. Васильев*. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII вв. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии. Л., 1929.

³¹ Характерно, что И. В. Ягич резко и абсолютно несправедливо отреагировал на указание Константина Костенечского на наличие лигатурных вариантов *исо* на листе 356 и на абсолютно правильное раскрытие его значения: “Наконец приводится ещё ненужный в славянской письменности тахиграфический знак, в котором по мнению Константина соединена дасия с оѣєю, и знак, показывающий пропуск в тексте [У Константина этот знак (*ἀποστρόβϝ*) на самом деле равнозначен *ψι*ли (псили, греч. *ψιλή*, sc. *προσφῶδια*, т. е. *spiritus lenis*). — *В. Д.*] Константин, как видно, щеголял своими сведениями по греческой палеографии и старался, не всегда удачно и впопад, пересадить их на почву славянскую” [Ягич 1895: 502]. В действительности же лигатурный знак, указанный Константином, достаточно регулярно употребляется в среднеболгарской письменности XIV–XV веков, уже в новое время его акцентологическое значение установил А. И. Яцимирский, см. [Яцимирский 1906a: LXV].

³² Текст мог быть переписан с акцентованного текста с южномакедонской акцентовкой Охридской епархии, и осторожный писец сохранил лишь знаки на определенных формах неподвижного акцентного типа, или, напротив, переписывая, наряду со знаками протографа поставил свои, создав то, что мы называли “слоёный пирог”. Второй случай тоже интересный, но не для акцентологии, а для истории текста.

³³ Буквенные индексы при совпадающих годах издания в Списке литературы даются так, как они проставлены в рецензируемой книге.

- Долобоко 1927 — М. Долобоко. Ночь — ночьёсь, осень — осенёсь, зима — зимъсь, лето — летось // *Slavia*. Roč. 5. Seš. 4. Praha, 1927.
- Дыбо 1958 — В. А. Дыбо. О древнейшей метатонии в славянском глаголе // ВЯ. 1958. № 6.
- Дыбо 1960 — В. А. Дыбо. ВЯ. 1960. № 6. — Рец.: L. Sadnik. Slavische Akzentuation. I. Vorhistorische Zeit. Wiesbaden, 1959.
- Дыбо 1961a — В. А. Дыбо. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 30. М., 1961.
- Дыбо 1962a — Структурно-типологические исследования. М., 1962. — Рец.: Ch. S. Stang. Slavonic Accentuation. Oslo, 1957.
- Дыбо 1962b — В. А. Дыбо. О реконструкции ударения в праславянском глаголе // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962.
- Дыбо 1963b — В. А. Дыбо. [Ответ на вопрос] “Какви са резултатите от сравнителното изследване на славянската акцентология?” // Славянската филология. Т. I. Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание. София, 1963.
- Дыбо 1968b — В. А. Дыбо. Акцентология и словообразование в славянском // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968 г. Доклады советской делегации. М., 1968.
- Дыбо 1971a — В. А. Дыбо. О фразовых модификациях ударения в праславянском // Советское славяноведение. Вып. 6. М., 1971.
- Дыбо 1971b — В. А. Дыбо. Закон Васильева — Долобоко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском // ВЯ. 1971. № 2.
- Дыбо 1973b — В. А. Дыбо. Материалы по исторической акцентологии болгарского языка. I. Именное ударение в восточных средне-болгарских текстах XIII–XIV вв. // Известия на Института за български език. Т. XXII. София, 1973.
- Дыбо 1973c — В. А. Дыбо. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Кузнецовские чтения 1973 г. История славянских языков и письменности. М., 1973.
- Дыбо 1975 — В. А. Дыбо. Закон Васильева — Долобоко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // *IJSLP*. 18. 1975.
- Дыбо 1977a — В. А. Дыбо. Именное ударение в среднеболгарском и закон Васильева — Долобоко // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.
- Дыбо 1977c — В. А. Дыбо. Западнокавказская акцентная система и проблема её происхождения // Конференция “Ностратические языки и ностратическое языкознание” (Тезисы докладов). М., 1977.
- Дыбо 1981a — В. А. Дыбо. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981.
- Дыбо 1981b — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1996a — В. А. Дыбо. Новые данные по диалектологии среднеболгарских акцентных систем // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996.
- Дыбо 1997 — В. А. Дыбо. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // *Studia linguarum*. М., 1997.
- Дыбо 2000a — В. А. Дыбо. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.
- Дыбо 2000b — В. А. Дыбо. Из балто-славянской акцентологии. Проблема закона Фортунатова и поправка к закону Ф. де Соссюра // Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000. С. 27–82.
- Дыбо 2005a — В. А. Дыбо. Работы Е. Д. Поливанова по японским акцентным системам и общая акцентология // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. Памяти И. Ф. Вардуля. М., 2005.
- Дыбо 2005b — В. А. Дыбо. Балтийская сравнительно-историческая и литовская историческая акцентология // Аспекты компаративистики. I. М., 2005.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1993b — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Вып. 1. М., 1993.
- Дыбо, Иллич-Свитыч 1963 — В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч. К истории славянской системы акцентуационных парадигм // Славянское языкознание. V международный съезд славистов. София, сентябрь 1963. Доклады советской делегации. М., 1963.

- Дыбо, Николаев 1998 — В. А. Дыбо, С. Л. Николаев. Новые данные и материалы по балто-славянской акцентологии // Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998.
- Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981.
- Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1989 — А. А. Зализняк. Перенос ударения на проклитики в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.
- Зализняк 1990 — А. А. Зализняк. "Мерило праведное" XIV века как акцентологический источник. München, 1990.
- Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Иллич-Свитыч 1967 — В. М. Иллич-Свитыч. Сравнительная грамматика славянских языков // Советское языкознание за 50 лет. М., 1967.
- Кув, Петканов 1986 — К. Кув, Г. Петканов. Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986.
- Скляренко 1969 — В. Г. Скляренко. Історія акцентуації іменників а-основ української мови. Київ, 1969.
- Чурганова 1973 — В. Г. Чурганова. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- Ягич 1895 — И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885–1895.
- Яцимирский 1906а — А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Памятники древней письменности и искусства. CLXIII. СПб., 1906.
- Būga 1924a — Tauta ir žodis. II. 1924. P. 478–480. — Rec.: N. van Wijk. Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. (Перепечатано в: Būga RR. III t. Vilnius, 1961.)
- Būga 1924b — K. Būga. Kirčio ir priegaidės mokslas // K. Būga. Lietuvių kalbos žodynas. I sąsiuvinis. Kaunas, 1924 m. P. XIX–LII. (Перепечатано в: Būga RR. III t. Vilnius, 1961.)
- Derksen 1991 — R. Derksen. An Introduction to the History of Lithuanian Accentuation // A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger (eds.). Studies in West Slavic and Baltic Linguistics. Amsterdam, 1991.
- Hock 1992 — W. Hock. Der Flexionsakzent im mittelbulgarischen Evangelie 1130 (NBKM). Bd. I–II. München, 1992.
- Hock 1994 — W. Hock. Zeitschrift für slavische Philologie. 54. 1994. — Rec.: Werner Lehfeldt. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. München, 1993.
- Ivšić 1911 — S. Ivšić. Prilog za slavenski akcenat // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 187. Zagreb, 1911. [Переиздано в книге: S. Ivšić. Izabrana djela iz slavenske akcentuacije (Gesammelte Schriften zum slavischen Akzent). München, 1971.]
- Kuryłowicz 1958 — J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław; Kraków, 1958.
- Lehfeldt 1993 — W. Lehfeldt. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. München, 1993.
- Lehfeldt 2001 — W. Lehfeldt. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. 2., verbesserte Auflage mit einem Appendix von Willem Vermeer. München, 2001.
- Lehfeldt, Berger 1984 — W. Lehfeldt, T. Berger. К реконструкции древнерусской акцентной системы // RLiNG VIII. 1984.
- Leskien 1914 — A. Leskien. Grammatik der serbokroatischen Sprache. 1. Heidelberg, 1914.
- Meillet 1914 — A. Meillet. Sur l'accentuation des noms en indoeuropéen // MSLP. Vol. XIX. 1914.
- Neustupný 1959 — J. V. Neustupný. Accent in Japanese and Russian. A Typological Study // Archiv Orientální 27. 1959.
- Otrębski 1956 — Jan Otrębski. Gramatyka języka litewskiego. Tom III. Warszawa, 1956.
- Sadnik 1959 — L. Sadnik. Slavische Akzentuation. I. Vorhistorische Zeit. Wiesbaden, 1959.
- Sedláček 1910 — Fr. Sedláček. K přízvukovým otázkám jazyků baltoslovanských. Přízvukování jmen podstatných // Sborník filologický. Roč. I. Praha, 1910.
- Sedláček 1914 — Fr. Sedláček. Přízvuk podstatných jmen v jazycích slovanských. V Praze, 1914.
- Senn 1966 — A. Senn. Handbuch der litauischen Sprache. Bd. I: Grammatik. Heidelberg, 1966.
- Stang 1957 — Chr. Stang. Slavonic Accentuation. Oslo, 1957.
- Trubetzkoy 1931 — N. S. Trubetzkoy. Gedanken über Morphonologie // TCLP. 4. Prague, 1931. (Перевод на русский язык: Н. С. Трубецкой. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М., 1967.)

- Trubetzkoy 1934 — *N. S. Trubetzkoy*. Das morphonologische System der russischen Sprache. Prague, 1934. (Перевод на русский язык: Морфологическая система русского языка // *Н. С. Трубецкой*. Избранные труды по филологии. М., 1987.)
- Tucker and Bryan 1966 — *A. N. Tucker and M. A. Bryan*. Linguistic Analyses. The Non-Bantu Languages of North-Eastern Africa with a Suppl. on the Ethiopic Languages by Wolf Leslau. London, 1966.
- van Wijk 1958 — *N. van Wijk*. Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. 2-e Aufl. 's-Gravenhage, 1958.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

а. п. — акцентная парадигма.

Гр. — Граматично искажане ов рѣском језикѣ, поа Јѣрка Крижаница, презвањем Ћервланина, међу Кѣпојѣ и Вѣнојѣ риками, во љѣздех Бѣхца града, окол Дѣвовца, Озла и Рѣвника Острѣгов / Писано въ Снејри / Лѣта „ѣроѣ“ / Издано Бодянским. М., 1859. (Арабские цифры передают славянскую пагинацию книги.)

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. С.-Петербург, 1834–1917.

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Санктпетербург, 1896–1927.

ИсСир. — Поучения Исаака Сирина: западноболгарская рукопись 1381 г. (1-й почерк). РГБ, отдел рукописей, ф. 304, № 172.

Зогр. № 151 (= Сб. № 151) — Сборник: среднеболгарская рукопись XIV в. // Б-ка Афонского Зографского монастыря, № 151 (по Ильинскому). Четыре листа из этой рукописи находятся в РГБ, см. Муз. 3070.

Зогр. № 171 (= Зогр. сб. № 103) — Сборник слов и житий: восточноболгарская рукопись XIV в. // Б-ка Афонского Зографского монастыря, № 171 (по Ильинскому); ряд отрывков был издан в кн.: *Й. Иванов*. Български старини из Македония. София, 1931. Под нумерацией: № 103, II, г. 6 (по Стоилову), отсылки давались на страницы этой книги.

карт. LKŽ — картотека Словаря литовского языка, хранящаяся в Ин-те литовского языка и литературы АН Литовской республики.

Муз. 3070 — несколько листов из Зогр. № 151. РГБ, отдел рукописей, ф. 173, № 3070.

Пол. — *Ю. Крижанич*. Политика. М., 1965. (Цифры обозначают страницы рукописи.)

Пс. № 62 — Список 1-й пол. XVII в. с перевода псалтыри, сделанного Максимом Греком. РГБ, отдел рукописей, ф. 304, № 62.

РГБ — Российская Государственная библиотека (бывш. ГБЛ).

СБОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Санктпетербург, 1867–1928.

Соссюр — *Ф. де Соссюр*. Труды по языкознанию. М., 1977.

Цв. II — Триодь Цветная. М., 1591 (см. [Зализняк 1985: 222]; материал цит. по [Зализняк 1981]).

ЧНЗ — Новый Завет господ нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского. М., 1892.

Būga RR — *K. Būga*. Rinktiniai raštai. T. I–III. Vilnius, 1958–1961. (Указатели: *K. Būga*. Rinktiniai raštai. Rodyklės. Vilnius, 1962).

DLKŽ — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas / Red. J. Balčikonis. Vilnius, 1954.

DP — материал из “Постилы Н. Даушки” цитируется по изданию: *Daukšos Postilė*. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.

IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics.

K. — *F. Kurschat*. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876.

L. — *A. Lyberis*. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Vilnius, 1988.

Rad 132 — *M. Valjavec*. Glavne točke o naglasu književne slovenštine // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 132. U Zagrebu, 1897.

RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.

SKDA — *P. Skardžius*. Daukšos akcentologija. Kaunas, 1935.

SkŽD — *Pr. Skardžius*. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.

Svane — *G. O. Svane*. Grammatik der slowenischen Schriftsprache. Kopenhagen, 1958.

Šl. — *J. Šlapelis*. Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas. Antroji laida. Vilnius, 1940.

Valj. Rad — *M. Valjavec*. Prinos k naglasu u novoj slovenštini // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 43–48, 56, 57, 60, 63, 65, 67, 68, 71, 73, 74, 76, 77, 93, 94, 102, 105, 110, 118, 119, 121.